

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 3 (23) 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

Главный редактор –

Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: ackorgav@mail.ru

Общественный совет журнала

Антон Геннадьевич Хрулёв-Жуков, Татьяна Владимировна Авдеева-Кадникова, Алексей Алексеевич Питиков, Людмила Павловна Захарова, Игорь Юрьевич Коротков

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина), e-mail: lidiya2305@mail.ru,
редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,

технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,
e-mail: n02011952a@mail.ru

специалист по связям с общественностью – Игорь Владимирович Табаков, e-mail: igor.tabakov.65@mail.ru

секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина, e-mail: ninavs@mail.ru

дизайн – Никита Мошинский, e-mail: SwedenSew@yandex.ru

художник – Елена Кузнецова, e-mail: Elenakuznecova3905@gmail.com

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имён собственных и прочих сведений. Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 23.05.2024. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 5,7. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74-14
Тел. +79677016814
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У.
Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА. НАША БОЛЬ. НАША ПАМЯТЬ

Никита Табаков. Портрет	3
Влад Маленко. «Четверговая соль...»	4

ПРОЗА

Вера Шестакова. Дедушка Айнцвайдрай	5
София Воронова. Традиция	8

ПОЭЗИЯ

Лидия Терёхина. Зонт	11
Зеркало	12
Урок	13
В иномирье	14
Мордовник	14
Имена	15
Евгений Харитонов. Зима	16
Сон солдата	17
Восход на море	18
«Воробей на ветвях щебечет...»	19
Закат эпохи	19
Татьяна Шварева. Первый дождик	20
Апрель	20
Дружок	21
В роще	21
Старый дом	22

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Мария Перфилова. «Серые коробки – скучные дома...»	23
Сергей Плешков. «Питер. Сентябрь. Усталость пришла...»	24
Лариса Москвитина. В Мерлинке	25
Елена Колесникова. «Туч над лесом – серый счёсок...»	26
Ольга Правдина. Притяжение	27
Виктория Беляева. «Приснился брат и говорит: Я жив...»	28
Лариса Арефьева. «Картина маслом...»	29
Любовь Федянина. Весна	30
Татьяна Вадюнина. О творчестве	30
Тамара Гордиенко. Художники	31
Красная горка	31

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов. Служение и «сервис» (продолжение)	33
--	----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Вассхус, Алексей Сузюмов. К родным берегам	38
Галина Гаврилова (Гомкович). Село моё родное	43
Елена Козина-Сазыкина. Две прогулки по Ахунам	45

ПУБЛИЦИСТИКА

Антон Хрулёв. Оркестр Победы	47
Евгений Винокуров. Оркестр	47

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕМ»

Галина Есипенко. Валентине Филатовой	50
Ольга Шагапова. Ольге Корчагиной	51
Нина Стёпочкина. Татьяне Рузаевой	52

СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Антон Хрулёв. Пятнадцать	53
Игорь Панин. Освободители	59
Мобилизация	60
Марш похоронной команды	61
Памяти друга	61
Гвардия седобородых	62
Олег Миронов. Поле	63
На смерть Александра Захарченко	65

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Мария Стрельцова-Логина. Самый-Самый	66
Надежда Винокурова. Чудеса творятся утром	67
Радуга – дуга	68
Жук	68

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Карина Краснослободцева. Солнце, Радуга и Дождик	69
Георгий Миргородский. Дождь	69
Утята	70
Злата Роголёва. Между летом и осенью	70
Тихон Бодряшов. «Давно идёт незримая война...»	70

СОБЫТИЯ. ДАТЫ	71
---------------------	----

ВОЙНА.

НАША БОЛЬ.

НАША ПАМЯТЬ

Никита Мбаков

г. Пенза

Портрет

В обычной рамке небольшой портрет:
Прадедушка на фото пожелтевшем.
Он смотрит через много-много лет,
На нас с какой-то грустной усмешкой.

Опёрся тяжело на костыли –
Ноги в бою лишился в сорок пятом,
Но сдюжил, выжил в месиве проклятом,
Вернулся в край родной с чужой земли.

В гвардейской части он служил связистом –
Сержант-артиллерист, был коммунистом.
В своём полку ответственным за связь,
Что из-за взрывов вражеских рвалась.

При нашем наступлении однажды,
Когда противник спешно отступал,
Ударил из трофейной пушки дважды,
И дважды так удачно в цель попал,

Что полтора десятка уничтожил
Фашистских офицеров и солдат.
Победу приближая, счёт им множил,
За подвиги свои не ждал наград.

Немного не дошёл он до Берлина:
Рванула рядом вражеская мина...
Не видел, как крепили на Рейхстаг
В победном мае наш советский флаг...

Навек остались в памяти герои,
Хоть их давно уже на свете нет.
Бессмертный полк шагает тесным строем,
И я несу в нём прадеда портрет.

Влад Маленко

г. Москва

* * *

Четверговая соль
выступает
на выбритом
черепе поля.
А над ним
беспилотник
да ворон,
Да мгла, да весна.
Отче наш!
Пусть останется
ворон один,
такова твоя воля,
Через нас,
в этом поле ползущих
свершится она.
Чёрный ворон
заметит на птичке
чужую окраску,
Сердцевину
серебряным
Клювом
проколет он ей.
И тогда к алтарю
приползем
мы живыми на Пасху,
В ту церковку,
на самом краю
бесконечных полей.

ПРОЗА

Вера Шестакова

Вера Владимировна Шестакова родилась 22 ноября 1952 года в городе Пензе. Окончила Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского. Работала в школе завучем, учителем русского языка и литературы. Почётный работник общего образования РФ, Ветеран труда.

Публиковалась в журнале «Четверговая соль» и коллективных изданиях.

Дедушка Айнцвайдрай

Прозвенел последний звонок. Ура! Каникулы! Маруся, теперь уже пятиклассница, бежала домой вприпрыжку:

– Наконец-то свобода: кино, пионерский лагерь, поездки к бабушке в деревню и с родителями на юг. И никакой музыкалки, никакого сольфеджио!

Дома девочка переоделась в нарядный сарафан и выбежала во двор. Там, на заветном месте сбора, у кирпичных сараев, её ждали друзья.

На брёвнах, сложенных возле стены, сидели Таня и Любаша. Они поглядывали на мальчишек, которые угнездились на заборе. Колька лениво бросал камешки в урну для мусора, а Артём передвигался по верху забора, стараясь держать равновесие. Он боялся свалиться и опозориться перед девочками. Сашенька, трёхлетний братишка Любаши, палочкой что-то рисовал на песке.

Маруся ожидала веселья (каникулы начались!), но на площадке было тихо и уныло.

– Чем займёмся?

В ответ ни слова.

Маруся не унималась:

– А на Тамбовской в овраге такие заросли сирени!.. Айда, наломаем букет!

Ребята оживились. Таня, поглядывая на Артёма, отличника и зубрилку, съехидничала:

– Артём, сколько двоек получил за год?

Тот сделал вид, что не услышал. Ребята знали, что Таня с первого класса была равнодушна к нему.

Заступился за друга Коля:

– Дождёшься ты, Танька! Не пойдём с вами. Топайте одни.

– Ой, ой, подумаешь, какие мы нежные и вежливые! – Таня умела ответить – язык, что бритва.

Решено: в овраг, так в овраг.

Ребята подходили к Тамбовской заставе, когда увидели седого старика, шедшего им навстречу. Даже в такие жаркие дни, как этот, он ходил в рубашке с длинными рукавами.

Дети с радостными воплями подбежали к нему:

– Дедушка Айнцвайдрай, здравствуйте!

Его настоящего имени они не знали.

– У нас каникулы, – наперебой кричали ребята. – Мы за сиренью в овраг!

И ещё громче:

– Посчитайте нас!

Каждый раз, встречая детей на улице, приветливый старик пересчитывал их.

Ребята окружили его, стараясь придвинуться поближе. Торопыга Колька поднял руку, как на уроке в школе: «Меня! Меня!». Но дедушка Айнцвайдрай считал каждого чётко, по очереди:

– Таня – айн, Любаша – цвай, Артём – драй, Маруся – фир, Коля – фюнф, а Сашенька – зэкс.

Дети скакали от восторга, повторяя непонятные слова. Старик, глядя на ребят, радовался не меньше.

– Ура! Я фюнф! – вопил Колька. В прошлый раз он был эльфом, и это слово ему показалось обидным: что он, девчонка, что ли, эльфом быть...

– А Вы кто сегодня? – спросила Маруся.

– Сегодня я опять Айнцвайдрайфюнфахт, – ответил старик.

У ребят это вызвало ещё больший восторг. Понятное дело: дедушке много лет, и поэтому номер у него длинный и непонятный.

Неожиданно пошёл дождь. Такой называют слепым. К всеобщей радости появилась радуга. Дети подпрыгивали, ловили капли ладонями и ртом. Казалось, не было ничего вкуснее, чем этот солнечный дождь!

Дождик, дождик, перестань!

Я поеду в Арестань

Богу молиться,

Христу поклониться!

Ключиком, замочком,

носовым платочком!

Земля быстро превратилась в хлюпкую грязь, в которой, ликуя, прыгала ребятня в бывших ещё недавно розовых туфельках, белых носочках, жёлтых сандалиях.

Дождь кончился сразу, словно его выключили. Терпко запахло тополиной смолой и душистым летом. Вместе с водой растекалась жёлтая пыльца, оставляя на земле замысловатые узоры.

Маленькую лужицу облюбовали два голубя. Они подпрыгивали, плескались в воде, ворковали. Их мокрые пёрышки топорщились, из-за чего птицы напоминали колючие сизые шарики.

Кто-то из ребят спросил:

– А где дедушка Айнцвайдрай?

Старика рядом не было, его, словно смыло дождём.

– Ни спасибо ему не сказали, ни до свидания... Ну ладно, потом два раза скажем.

Шумная ватага двинулась к оврагу за сиренью.

Закончилось лето. Шёл октябрь с золотыми листопадами. В один из выходных дней ребята собрались во дворе. Колька предложил:

– Нагребём высоченную кучу листьев и прыгать в неё будем!

Задумка понравилась – весело взялись за работу. Гора листьев, огромная, пушистая, уже была готова для прыжков, когда во двор вышла Люба.

– Ну и хитрюга ты, Любка! Мы уж всё сделали, а ты явилась к самому веселью!

Люба не обратила внимания на эти слова: она была чем-то расстроена.

– Ребята, дедушка Айнцвайдрай умер. Мама сказала, что он работал сторожем в церкви и звали его дядя Миша. И ещё мама сказала, что он был в концлагере, а слова «айн цвай драй фюнф ахт» – это номер на его руке.

– Один, два, три, пять, восемь, – перевела с немецкого языка Маруся.

София Воронова

София Сергеевна Воронова родилась 11 мая 2003 года в Южно-Сахалинске, живёт в Калининграде. Выпускница литературной программы «Номо legens. Человек читающий» в образовательном центре «Сириус», участница всероссийской и межрегиональной литературных мастерских АСПИР. Студентка второго курса БФУ им. И. Канта по специальности биоинженерия и биоинформатика.

Традиция

Мама сказала, что надо идти с утра, как можно раньше. А то все талоны разберут. Она сказала, я сделала – с трудом, пропущенным завтраком и сном в два с половиной часа.

Всё было белым.

Ступени, дорога, ручка подъездной двери, ветка яблони, чугунная спина фонаря – всё светилось зимой.

Я выскочила из дома, позабыв вязанные голубые рукавицы, обожгла руку холодом, едва не поздоровалась носом с суровым высоким сугробом – проехала чуть дальше, чем было запланировано. В моём вечно осеннем городе разыгралась внезапная метель, укутавшая всё аккуратно с шести утра до полудня.

Всё было белым. Кроме чёрного, скованного морозом неба, конечно. И от этого пушистого белого на душе становилось тихо – нежно, мягко и совсем не громко – все мысли о раннем подъёме, делах, работе, болезни – проваливались вместе с шагами по хрустящему и нетронутому. Я была первой, прокладывала путь другим ранним пташкам, перекачивалась с ноги на ногу, шла пингвином – насупившимся, замерзающим и медленным – в такое время всё равно спешить некуда.

Перешла через спящую дорогу, на территорию больницы калитка была открыта, следы складывались в небольшую тропинку к входу в корпус. На первом этаже робко горел свет – остальные же спали. Я прошла по следам и завернула направо, пошаркала ногами, оставив длинные полосы – хвосты ледяных комет. Оказалась в сонном, ещё почти ночном переулке – здесь сохранились немецкие здания – строгие, краснокирпичные, зимние. Аккуратно, отчётливо ставя каждый шаг, прошла по скользкой брусчатке – снег подсластил её, как сахарная пудра пудинг.

Здесь уже было натоптано и людно – три-четыре человека стояли у входа в поликлинику. Я приветственно проскрипела снегом, ступив на ещё нетронутое место, в ответ на меня остро покосились:

– Вы за талоном или кровь сдавать?

– За талоном, – хрипло ответила я.

– Тогда за мной. А я вон за той, – мне указали на пожилую женщину в меховой рыжей шапке. Ответившая смирив меня строгим взглядом, как будто мы с ней соревновались за что-то, подняла вычерченную угольным карандашом бровь.

Я кивнула и спрятала нос в большом, крупной вязки, голубом шарфе – выдохнула, постаралась отогреть красный подбородок, но получалось плохо. Спать не хотелось – зима вымораживала сон на ресницах. Осмотрелась, покрутилась под тусклым, оранжевым светом от фонаря над входом. Мизинцы на ногах тихо подавали сигналы бедствия.

– В снежки, что ли, поиграть...

– Что? – откликнулась та, за которой была я – тётка лет сорока в горчичном дутом пальто.

– Вы тут со сколько стоите? – спросила я, чтобы как-то сгладить неловкость.

– С полшестого. Вас долго ждала. Но сейчас понабегут, – она кивнула головой в сторону трамвайных линий. Впрочем, даже для трамваев ещё было слишком рано.

Мне хотелось спросить у стоявшей в голове очереди, во сколько она пришла, но та была настолько насупившаяся и серьёзная – видимо, от мороза, – и вопрос мой окоченел на губах.

В попытках согреться я стала переступать с ноги на ногу, спросила то же у соседки по несчастью, та ответила: «Сказали, что талонов к терапевтам сейчас почти нет, приходите как можно раньше – только вот не сказали, что работники как можно раньше не приходят».

Снежный танец прервал дворник – вышел из-за угла здания с лопатой и ведром песка с солью. Посмотрел на всех сурово за то, что натоптали, но с сочувствием – он-то знал, что в воскресенье поликлиника отгуляла корпоратив, и в понедельник с утра, да и ещё по таким дорогам, никто спешить не будет.

Он небрежно поставил ведро – тяжёлое, разделив очередь надвое. Стал кидать песок, перемешанный с солью – не предупредив, угрюмо и резко – все, повинувшись ему, придвинулись к стене поликлиники. Соль вымачивала оледеневший снег.

По песку и снегу прошла низкая женщина в сиреневой куртке и забавной меховой шапке – не знаю почему, но мне она напомнила гречанку – маленькую, пухлую и важную.

– Гражданочка, тут очередь вообще-то, – протянула та, что была первой.

– Да я на работу, – зло и раздражительно ответила ей «гречанка». Вставила ключи в замок, с трудом прокрутила их, с недовольством дернула ручку и исчезла, обдав теплом и запахом поликлиники ожидающих.

– Интересно, а нам можно зайти? – неловко, тихо поинтересовалась я – всё-таки, в очередном и талонном деле я была новичком. Все молчали, может быть, потому, что слишком замёрзли, чтобы говорить.

– А кто последний?

Начали ходить трамваи. Первый пассажир сошёл на брусчатку, поскользнулся и удержался только благодаря тяжёлому взгляду дворника. Занял очередь – тоже за талоном.

– Мужчина, вы последний на кровь? Я за вами буду.

Минут через семь открылись двери – и все потянулись стройной гусеницей друг за другом, чтобы не потерять своё выстоянное, вымороженное, законное место.

Очередь разделилась. Кровники пошли наверх – впрочем, не все смогли подняться, кому-то досталось место на ступеньках винтовой лестницы. Я не успела моргнуть, как стукнуло семь утра – головной болью и возросшей раза в два очередью. В нашей очереди кто-то потерялся и не мог вспомнить, за кем он – все сняли куртки и шапки, сложив их горой на железные стулья-скамейки, а особо замёрзшие остались в шарфах, поэтому определить своего соопередника было сложно. Все молчали, потому что запоминать человека после стало как-то напряжно – кому нужно, пусть тот и помнит.

Я же хвостиком ходила за женщиной в пуховике – в-вязаном-новогоднем-свитере – она вроде и не возражала, посматривала как-то хитро и тихо – взяла своё направление и уступила место мне.

Я приподнялась на цыпочках, чтобы лучше видеть медсестру в регистратуре, протянула ей паспорт, назвала свой участок. Если быть честной, то последние пять минут я только и занималась тем, как судорожно вспоминала номер своего участка. Угадала.

– Повезло вам, девушка, – сказала мне медсестра, а потом встала и сказала очень громко – почти закричала. – К терапевтам больше талонов нет!

А что было потом, лучше не описывать.

К врачу я смогла попасть. Она выписала направления на анализы и, отдавая мне кипу бумаг, сказала:

– Приходите с утра пораньше, 205 кабинет.

Так что следующее утро тоже было белым. Почему, правда, непонятно – не закончатся же у них иглы с пробирками на третьем пациенте. Соседке по подъезду, которая давно хотела к неврологу, я посоветовала идти по-белому. Видимо, такая традиция.

Поэзия

Лидия Терёхина

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина) родилась 23 мая 1950 г. в д. Тучковке Иссинского района Пензенской области. Живёт в Пензе.

Она автор тридцати трёх поэтических и прозаических книг, на её слова написано более 30 песен, выпущено два диска. Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня.

Лауреат нескольких литературных премий, награждена знаком «За заслуги перед городом Пензой».

Основатель литературного журнала «Четверговая соль». Организатор и многолетний руководитель литературных клубов «Берега» и «Я сень». Член Союза писателей России.

С обратной стороны

Зонт

Дождь в глухом хрущобном переулке.
Ни собачьей, ни людской души...
Бес подвигнул выйти на прогулку.
Ну, а раз уж вышла, то – дыши!

После многоразовой конверсии
зонт – её внебрачное дитя –
нехотя над головой моей разверзся,
спицами натружено кряхтя.

Всё-таки прикрыл меня от неба,
что решило повторить потоп.
Под водой не стать дельфином мне бы...
За ковчегом вслед плыви потом!

Но конверсионный мой трансформер –
коптер, батискаф и вездеход –
выдержит напор любого шторма,
от ветров и зноища спасёт.

Впрочем, в свой ковчег-пятиэтажку
лучше мне вернуться дотемна.
Просушу промокшего бедняжку.
Дождь же пусть ярится у окна.

.....

Всеми десятью стальными рёбрами
вздрогнул зонт мой, кутаясь в тепло.
Ну, а небо, что сатином собрано,
стало лужей – на пол натекло.

Зеркало

Вот зеркало.
К обратной стороне
приставлена обычная картонка.
А может,
тайна зазеркалья в ней
сокрыта,
мир спрессован тонкий,
следы того,
что прежде отражало
овальное поблекшее зеркало,
того,
что отцвело и отблистало,
всеобщей
и моей вины лекало –
мерило бед,
ошибок
и любви?

Глянь,
проступают контуры обиды,
тень лживых обещаний,
что для виду
на лицевой вещались стороне.
Чем зеркало
в мой век служило мне?
То льстило,
то пугало отраженьем,
то было соглядатаем сражений
моих
с самой собой,
побед и поражений,
что как судьба
теперь явились мне.
Сквозь амальгаму,
ставшую рябой,
просачивалась жизнь
и замирала
в картонке
на обратной стороне.

Урок

В здании школы заброшенной
снегом полы запорошены.
А на доске разлинованной
«Школа, прощай! Ура!»
Витьку в костюме не ношеном,
белый гранёный мелок,
музыку, шум со двора
и тот, последний, звонок
помнит зелёный линолеум.

Снегом поля запорошены.
Подсолнечник стынет
нескошенный,
головы долу клоня.
Доля, не звана, не прошена,
Витьку свела за порог
кличем бессудного дня.
Им не доучен урок.
Колокола звонят.

В иномирье

*Когда хозяин покидает своё жилище,
кошка остаётся в нём за хозяина.*

Ли Су

Всплываю со дна водоёма
в какое-то иномирье,
но кажется всё здесь знакомым.
Лишь воздух прозрачней и плоче
и тихо – не хлопают двери.
Наверное, мне здесь не рады...
Сад выглядит брошенным, диким,
дорожка теряется в чаще,
кусты оплела повилика
и виснет на сучьях корявых.
А яблоки в чахнувших травах
лежат в снегириных нарядах –
из детства далёкого чудо –
как птицы, они красногруды.
Крыльцо покосилось у дома,
в оконце, окрашенном алым,
играют закатные блики.
... а кошка куда-то пропала.
Печально. Уютно. Красиво
теперешнее запустенье.
Лишь в зарослях тёрна и сливы
туманные чудятся тени.

Мордовник

Среди зимы на письменном столе,
напоминая о минувшем лете,
в недорогом никольском хрустале
мордовника засушенный букетик
глядит, как по листку текут слова,
а по стеклу – дождя косые струи...
В них никакого лада нет и строя.
Чернил и заоконья синева
про родственную знать не знают связь
с синеголовником
и синевой простора

степи и неба, рос он меж которых.
В расцвете жизнь его оборвалась.

Степной курган – его высокий дом –
таил в себе и невидаль, и небыль.
Какой-то человек пришёл потом
и обломил его упругий стебель.

Теперь Echinops позабыл и сам,
как ветер расшалившийся смеётся,
как искристыми слёзками роса
Истаивает под лучами солнца...
Но законье, синева чернил
его куда-то манят и тревожат...
И он понять не хочет иль не может:
со временем поблекнут и они.

Имена

Ветер времени
впал от отчаянья в раж
и срывает с флагштоков
мои знамена.
Оглянусь, а вокруг
ералаш,
 раскардаш,
и неясно,
куда уплывает страна.
Я беру карандаш
и пишу имена,
 имена,
 имена,
 имена...

Знаю: время, как ластик,
сотрёт все мои письма,
но без этих имён
был бы пуст окоём
и шалаш,
где мы строили быт
незатейливый наш,
и где жили в уюте своём.
Я пока ещё тут.

Имена –
моей памяти мостик.
Мной никто не забыт.
Ведь без этих имён
ни бескрайних небес,
ни просторов планеты Земля,
ни единого не было б дня
и меня.

Потому я беру карандаш
и пишу имена,
что они – семена
и проросших,
и будущих жизней,
и уже отслуживших
народу, семье и Отчизне.

Я беру карандаш
и пишу имена...

Евгений Харитонов

Евгений Николаевич Харитонов родился 12 ноября 1985 года и живёт в г. Белгороде. Окончил Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

Автор книги стихотворений «Абрикосовая осень». Стихотворения публиковались во многих газетах и журналах России. Член Союза литераторов при Белгородском отделении Союза писателей России.

Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов.

СНЫ СОЛДАТА

Зима

Декабрём небо зимнее вспорото,
Не заштопать на нём паруса.
И течёт с него белое золото
На равнины, озёра, леса.

Все дороги в округе завьюжены,
Не пройти, не проехать теперь.
А метелица в снежное кружево
Наряжает пушистую ель.

Из-за сопок неспешно потянется
Поздней зорьки румяный обоз.
И, ударив невиданной палицей,
По земле зашагает мороз.

Сон солдата

Снится ель зелёная у дома,
Рядом в цвете яблони стоят.
А сестрёнка воду из бидона
Наливает в миску для утят.

Вижу маму за окном широким,
Улыбаясь, машет мне в ответ.
А за тем сараем кособоким
На дрова берёзку колет дед.

Из ведра прожорливым цыплятам
Разбросала бабушка зерно.
И несутся к зёрнышкам, чертят,
Как большое жёлтое пятно.

Только папу я опять не вижу,
Может, на пруду средь камышей,
Взяв с собой червей и дядю Гришу,
На таранку дёргают ершей.

Ну а может, спит себе на печке.
Только вот уже в котором сне
Вижу я, как ворон на крылечке
Рассказать о чём-то хочет мне.

Но, внезапно сон прервался взрывом,
Застонала жалобно земля.
И заря румяная застыла,
Увидав изрытые поля.

Шли вперёд немецкие колонны,
Били танки, не скрывая зла,
Видел я, испуганный и сонный,
Как старуха-смерть к нам подползла.

Слышу голос за своей спиною:
– Хватит спать! Стреляй уже, боец!
Крутанув на голос головою,
Видел я, как целится отец!

Пулемёт в руках его могучих
Задрожал, не смея возразить.
Вылетали пули грозной тучей,
Лишь с одною целью – поразить!

Я стрелял, прищурившись, глазами,
Рукавом с лица стирая пот.
И враги тихонько отползали,
Слава Богу, не наоборот!

Приутихли ветры на равнине,
И заря улыбкой расцвела.
Запорхало эхо в небе синем,
Распевая звонкое «Ура!»

Обнимало солнце всю пехоту...
Только я застыл, роняя взгляд –
Предо мной, прижавшись к пулемёту,
Сном глубоким тихо спал солдат.

Пробежали годы бурной речкой,
Только вот теперь уже во сне
Возле дома папа на крылечке
Рассказать о чём-то хочет мне.

Восход на море

С востока яркая свеча
Разбудит утренний росток –
Улыбку первого луча,
Зарытую в морской песок.

На позолоченной ладье
Заря румяная плывёт.
Седая дымка на воде
Со стаей чаек упорхнёт.

Ветра, привыкшие к бегам,
Волну хватают за плавник
И гонят пену берегам
За воротник.

* * *

Воробей в ветвях щебечет,
Разгоняя тишину.
Незаметно ранний вечер
Притащил с собой луну.
Появился блеск хрустальный
На заснеженных домах,
И застыли в ожиданье
Ели в белых кружевах.
В серебристые мундиры
Нарядились тополя,
Прославляя командира –
Ледяного февраля!
И кружит над спящим миром
Одинокая метель,
Наслаждаясь дивным видом
Запорошенных земель.

Закат эпохи

«Нынче сыты лишь воры да блохи.
Не всегда жизнь такою была», –
Прошептала старушка и крохи
Со стола себе в руку смела.

И, накинув халат не по росту,
Свет лучины в избе погасив,
Побрела не спеша до погоста,
А за нею и сёла Руси.

Татьяна Шварёва

Татьяна Ивановна Шварёва (Власова, Терскова) родилась 26 мая 1957 г. в с. Новая Толковка Пачелмского района Пензенской области. Она окончила исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (специализация «археология»). Участвовала в раскопках Херсонеса и курганов на полуострове Тарханкут. Жила в ГДР, Казахстане, Пензе. Работала секретарём районной комсомольской организации, учителем истории и обществознания, инструктором по пропаганде и агитации в в/ч, исполняла обязанности начальника Дома офицеров, служила в СА начальником секретной части.

Татьяна Ивановна участвует в работе литературного клуба «Я сень». Её стихотворения публиковались в альманахе «Альбион» и журнале «Четверговая соль».

Первый дождик

Наконец первый дождик пролился —
Долгожданный, слепой, озорной,
Хулиганил и с ветром резвился,
Прибивался к земле по косой.

Просыпалась природа под шёпот
Влажных листьев и трель соловья,
Под негромкий воркующий рокот
Небольшого лесного ручья.

Колокольчик с любезным поклоном
Так искусно влетел в нотный ряд!
Он мажорным, восторженным звоном
Музыкальный дополнил наряд.

Апрель

Вдаль давно ушли метели,
За окном звенит апрель,
Слышен частый стук капли
И заливистая трель.

Снег почти совсем растаял,
Подтопил с утра мосты,

Журавлей пролётных стая
Мне курлычет с высоты.

Птицы клином пролетают
Над оттаявшей землёй,
Постепенно в дымке тают
Ранней утренней зарей.

В сердце крик их отозвался,
Разлилось тепло в груди,
За чертою март остался,
Май цветущий впереди!

Дружок

Долгожданный отпуск. Лето.
Я приехал в край родной.
Встретил он меня рассветом,
Светлой дымкой над Сурой.
В старом доме детством пахнет,
Здесь всегда, как в добром сне,
Стол накрыт и кашей манит,
Те ж картинки на стене.
Всё, как раньше. Как бывало.
Лай собаки в тишине,
На секунду сердце сжалось.
То Дружок сигналил мне!
Я бесшумно, как охотник,
Подобрался к конуре,
Говорю: «Где был, негодник,
Что не встретил во дворе?
А давай с тобой, как раньше,
Пробежимся вдоль садов,
И прости меня, что чаще
Приезжать я не готов».

В ро́ще

Брожу по рощице зелёной
В потоке радужных лучей,
Любуюсь серебристой кроной,
Омытой струйками дождей.

Иду заросшею тропинкой
По травянистому ковру,
И вижу, как дрожит осинка,
Качаясь плавно на ветру.

Как полосатый шмель летает,
Обласканный дневным теплом,
Нектар цветочный собирает,
Жужжа коротеньким крылом.

И под цикады треск весёлый,
И звонкий птичьих трелей хор
Снуют меж веток осы, пчёлы,
За мёд ведут извечный спор.

Под щебет незнакомой птицы,
Ритмичный дятла перестук
Птенцам поёт в дупле синица —
Летит по лесу нежный звук.

Старый дом

Разрушен дом со временем
С тоски, от одиночества,
Искал во мне спасение,
Кричал и звал по отчеству.

Тех долго звал по имени,
Кого спасал от холода,
Тех, кто свой кров покинули,
Сбежав под «крышу» города.

Тропинки не окошены,
Спасенья нет от сырости,
Прижился гость не прощенный —
Болотный запах гнилости.

Со стен побелка сыплется,
Порожки обветшалые,
Придётся ль снова свидеться?
Ведь оба уже старые...

А паутина – хлопьями –
Свидетель грустной повести,
Свисает между стёклами
Меня взывая к совести.

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ
подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Мария Терфилова

г. Пенза

* * *

Серые коробки – скучные дома,
Мысль порой приходит: «Этот мир – тюрьма»,
Здесь одно и то же много сотен лет:
Ночь, фонарь, аптека, как писал поэт.

Солнце лишь погладит мир своим лучом,
Сердце оживает, и всё нипочём.
И гляжу добрее на свои пути...
Может, чудо встречу где-то впереди.

Может, есть на свете близкая душа,
Может, к этой встрече дни мои спешат.
Если же не встречу, не начну роптать,
Рад был проявиться, думать, созерцать.

* * *

Питер. Сентябрь. Усталость пришла.
В церкви горят свечи...
Старый собор. Иконы молчат.
Мне говорить нечем...

Реки – бездонье.
Каналы, мосты...
Небо совсем близко.
Марсово поле. Воздух, цари...
Птицы летят низко.

Я понимаю, что жизнь коротка.
Надо успеть много.
Вброд перейти? (А Нева глубока...)
На разговор с Богом.

На разговор...
А оттуда звонят.
Спрашивают: «Не готов ли?»
Я отвечаю: «Занят сейчас!»
Ну и дежурное: «Мог бы...»

Ветер. Сентябрь.
Солнце. Тоска.
Съездил на «Чёрную речку».
Пушкин, Дантес.
Барьер и рука –
Та, что задула свечку...
Листья шумят.
Люди молчат.
Гений ушёл к Богу.
Был ли звонок?
Звали туда,
К этому вот итогу?

Я – на Васильевский.
Тут тишина.

Хочется думать и думать...
А иногда...
И пачку свинца в ящик стола сунуть.

Пуля упряма.
Бездумно летит.
Свет прожигает, сердце.
А Справедливость совсем не вопит.
Где же совести дверца??

Питер и осень.
Усталость пришла.
Как же спасти душу?
В церковь пришёл.
У иконы молчу.
Бога хочу слушать.

Слушать, дышать и немножко понять
Все те звонки с поднебесья.
Может, желанья немного унять?
И сочинить песню?

Песня придёт,
А силы уйдут.
И будут гореть свечи...
Только, я думаю, люди поймут,
Что мне говорить есть чем!

Елариса Москвитина

г. Пенза

В Мерлинке

Здесь старые сарматские курганы
Границу лесостепи сторожат.
Полынь седая прячется в бурьяне.
Вдоль русла Шукши вётлы встали в ряд.

Течёт река-шептунья по равнине.
В ней нет стремнин, водоворотов нет.
Лишь по утрам туман висит в лощине.
В нём камышей прибрежных силуэт.

Зубцы лесов – щетиной к горизонту
И родников с живой водой – не счесть!
А на Подкове, что подобна фронту,
Сакральной силы холм Мерлина есть.

Елена Колесникова

г. Воронеж

* * *

Туч над лесом – серый счёсок¹ –
Непечатый ворох – дел,
Ветерок в кругу берёзок
В переладец² загудел.
С косогорья – на вечёрки,
Нрав – колюч, да зелен взгляд –
Сарафанистые ёлки
Подбоченившись стоят.
Тонких шишек – веретёнца –
По запазушкам – да в ряд.
А закат – шелкóв, не жжётся,
Шалью с маками – закат.
Ох, играй, да не робей-ка,
На воронежский фасон –
Пой, дуди, моя жалейка,
Отгоняй весельем сон!
Комарьё скрипицы стру́нит –
Вёдро кличут на зарю.
Я с утра дойду до Дуни –
Ей платочек подарю.
Бросит оземь коромысло,
Взглянет смело и тепло:
– Было горюшко, да вышло,
Светлым Доном унесло!

¹ Счёсок – кудель.

² Переладец – то же, что волынка.

Ольга Травдина

г. Заречный Пензенской области

Притяжение

Я вдыхаю и...
 задерживаю внутри себя воздух.
Не подумайте, что это просто.
 Нет, не просто!
Потому что с этим вдохом
 вбираю вкус НАСТОЯЩЕГО:
Эту осень, небо, улицу, дом,
 даже почтовые ящики!
И пока на вдохе
 всё это во мне собирается,
Разрезаю острым ножом ПРАВДЫ
 лжи рабицу,
Разгибаю колючую проволоку НЕСВОБОДЫ
 — мне нравится!
Вы-
 ды-
 хаю
Я всё в невесомость: чужое, ненужное,
Очищаясь от всяких условностей,
 и... вплоть до ужина!
А на выдохе долгом теряю я вес...
 Притяжение
Возвращает назад, тянет снова к Земле,
 к стихосложению.
Меня манит к друзьям, и к хорошим делам —
 то Любви гравитация,
Но ещё продолжаю, кружась, выдыхать
 магазины, рекламы и акции,
Суету, боль обиды, проблемы, заботы,
 предательства, гадости,
Наполняясь взамен чем-то светлым, ДРУГИМ,
 так похожим на Радость... И
Этот выдох, длиной в интересную жизнь,
 мне по силам, уверена!
Вот избавлюсь от зла и от горьких обид,
 задышу вновь размеренно!

Научусь вновь любить и, молясь, находить
в тишине утешение,
Ощущая покой, Бога длань – головой,
и ЕГО притяжение!

Виктория Белыева

пос. Темерницкий Ростовской области

* * *

Приснился брат и говорит: Я жив,
Отец со мной. Костюм льняной пошил
И носит, носит, носит не снимая.
И дед живой. И бабушка живая.
А ты, сестра, не плачь. У нас, учти,
От слёз твоих солёные дожди
И деда ноги ноют в непогоду.
Отец ворчит – прошло четыре года,
А ливням нет ни края, ни конца.
Не плачь, не обижайся на отца.
Купи нам табаку, халвы, сгущёнки,
Сестра, тут с этим делом напряжёнка.
Здесь много рыбы, яблок и вина,
И здесь у нас другие имена.
Они со вкусом ладана и мяты,
И благодатью вечною объаты.
Они легки и сизы, как дымы.
Как будто в доме у застёпья мы –
Завёл себе собаку и кота,
Живые тоже. Тоже навсегда.
Садимся с ними в лодку на рассвете,
Вдоль перистых потоков молча едем.
И в вашей отражаемся воде.
Пошёл. У нас до Пасхи много дел.
Среди свободы черемши и ржи
Рукой маши. Я жив, сестра, я жив.

Мариса Арефьева

г. Сердобск Пензенской области

* * *

Картина маслом –
Первый снег и я,
Ну, наконец-то
Радость бытия.
И если «я»
Убрать, то тоже клёво.
Ещё вчера больной,
Чернуший,
Квёлый
Сад выглядит
Нарядно и свежо.
Сугробом гордо
Высится стожок,
А чуть копни –
Теплом зашевелится...
Ложится след
Давно знакомой птицы
Ажуром паутинного
Платка
Из тех, к которым
Тянется рука
Перебирать узор
Да любоваться
Затейливой игрой
Умелых пальцев...

Глядишь на белый сад,
На белый стог,
Сугробом поднимается
Восторг,
Надеешься на правильное
Слово,
Но вылетает
Искреннее «Клёво!»

Любовь Федянина

г. Пенза

Весна

Заплакали крыши, теряя хрусталь
Прозрачных подвесок с карнизов.
Прощается с нами сердитый февраль,
Предвидя – конец его близок.

Мне жаль старика: растерял свой кураж,
Сугробов холмы наметая.
Рисует весна акварелью пейзаж,
И зиму с холста убирает.

Закапала с кисти капель-бирюза,
И там, над чертой окоёма,
Небесных проталин раскрылись глаза,
На нас поглядев удивлённо.

Татьяна Вадюнина

г. Сердобск Пензенской области

О творчестве

Весь день строка покоя не найдёт,
несчётный раз дробится на осколки.
И слоги затевают пересчёт,
сдвигая ударенья втихомолку.

А мысли выются, словно мошकारа,
сбивают с толку звуки разнобоем.
Слова висят на кончике пера,
Смеются над беспомощным простоем.

Да будет ли какой-нибудь исход?
Застрять обидно в трёх четверостишьях.
Две рифмы всё же сжалились... И вот
Слова послушны, как по воле свыше.

Художники

Никто не знал ни имён, ни отчеств
Жильцов тех нищих пустых мансард.
Хаос богемы и хаос творчества.
Азарт работы, мечты азарт.

Хватала страсть их порой в заложники.
И краски бросив, и все дела,
Ласкали ветреные художники
Натурщиц розовые тела.

А печь топилась последней книжкой,
А голод тело сушил и жёг,
А кредиторы несли подмышками
Холсты, засунутые в мешок.

И пили горькую они, убогие.
С ума сходили.
И как-нибудь
Из богадельни везли их дроги
По жирной хляби в последний путь.

Грязь под колёсами жадно чавкала.
И лишь в музеях весна цвела,
И на полотнах цвели отчаянно
Натурщиц розовые тела.

Красная горка

Есть в Севастополе район. Давно
Его назвали люди Красной горкой.
От маков, что ли, всё кругом красно,
И отдаёт во рту травинкой горькой.

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Фотографии с пензенского форума любителей-краеведов
«ПЕНЗОВЕД.РФ», основанного 6 июня 2012 года в г. Пензе

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького по специальности «Поэзия» (семинар С. И. Чуприна и Т. А. Бек). Печатался во многих российских журналах, в газетах «Книжное обозрение», «Литературная Россия» и «Литературная газета» и во многих других печатных органах.

Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А. М. Горького, научный сотрудник Издательского совета Московской Патриархии, главный редактор портала «Правчение.ру».

Служение и «сервис»

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно?

А. С. Пушкин. Из Пиндемонти.

Продолжение. Начало в № 1-2 – 2024

«ЛЮБИТЬ ВОПРЕКИ ВСЕМУ». Упасть – просто. Ещё проще – упасть и упорствовать в том, что падение было небывалым взлётом, и тем ещё больше раззадоривать себя и этим же искусственным задором изничтожать.

...После юности, которую многим и многим везёт пережить без особенно системных возлияний и перекрёстных опылений одних другими, первая человеческая зрелость уже начинает вопрошать о том, в каком направлении человек собирается двигаться. Выбор неутолённой и оскорблённой явно или выдуманно души более-менее очевиден: с радикалами, с их вечно юным, инфантильным и капризным, как извращенец, «новым» искусством, не брезгующим никакими сокрушениями общественных табу, поскорее к славе и богатству.

Пустоту такие «творцы художественной действительности» начинают ощущать обычно годам к тридцати, и по-разному справляются с ней, и заполняют её каждый по-своему. К роковому для поэта возрасту в 37 лет люди подходят с довольно разнообразным багажом, но вопрос продолжает звучать и для решившихся соблюдать нравственные приличия: а не лучше ли веселиться, как собратья, споро пожинаящие плоды скоротечной и скандальной славы?

Здесь нужно иметь в виду одно соображение: всего достойнее и тяжелее для мыслящего и чувствующего юнца в России – любовь к собственному народу, будь она органическая или вменённая, объяснённая самому себе как единственная дорога в человеческой пустыне или холодно навязанная логикой, а то и карьерной прозорливостью (так тоже случается, и довольно часто).

В юности я неоднократно слышал подобие внутреннего вопля от будущих своих собратьев по русской партии: Господи, вразуми! – ну совершенно же непонятно, как любить всех этих ближних, дальних, и особенно кажущихся бесконечно далёкими в своих воззрениях, эстетически жалкими, будто бы «неприкасаемыми» из низшей касты!

Вот они, кажущиеся за чередой проведённых вместе лет бесцветными, изработавшимися до потери пульса тётки и дядьки, заботящиеся, кажется, только о своих дачах-рассадах – бесчисленные работники коммунальных служб, тихие, скромные, ничем не выдающиеся, плохо одевающиеся и вообще «выглядающие», выпивающие по праздникам или чуть чаще инженеры, техники, охранники, строители, водители, экспедиторы, нормировщики, бухгалтера, изыскатели, испытатели, монтажники, городские стражники. Народ. И не просто какой-то, а – твой. От которого не уйти, спрятавшись в эмиграцию. Народ, воспитавший, вскормивший тебя. Неужели – никакой благодарности? Пекари и монтажники, продавцы и иные служащие, бюджетники и частники – всегда перед глазами. Не отводи взгляд.

Снимай – не снимай о них проникновенные сериалы, ни лучше, ни хуже они не станут. И только болезнь Раскольникова, «сверхчеловека и Бонапарта», продолжит об руку с невозможностью признать их права быть главными в твоей жизни разъедать устои твоей души, относя к людям «поинтереснее», то есть, к учителям разврата и падения.

...Молодые люди в России беззащитны перед растлением именно потому, что неуклюжие государственные попытки поставить их себе на службу подразумевают вовсе не раскрытие тех личностных сторон, о которых так затаённо и страстно мечтается в пятнадцать-шестнадцать лет. Западные калки, такие же, по сути, убогие, как и отечественные, с лёгкостью одерживают верх: беззаботность посреди невесть откуда свалившегося богатства – этой метафорической «блямбы» сотрудники молодёжных служб не могут перебить уже несколько десятилетий. И антибуржуазный

настрой здесь – органическая часть будущего настроения буржуазного, единое полотно единой дороги.

ИНЫЕ. Русской партии не до манер.

Она и прямее, и грубее в своём отчаянном усилии лечь на пути Апокалипсиса, отсрочить его хотя бы на пару секунд, ринуться с гранатой под вымазанные кровью предыдущих жертв драки глобализации.

Быть составной частью русской партии куда скучнее: она не предлагает порочных наслаждений. Разве что выпить и что-то тихо спеть (и то, и другое горожанина притягивает нечасто), и на том – всё.

Нет у русских людей ничего такого, что бы очевидно вело к славе и деньгам. Кто же пойдёт за голодранцами, аутсайдерами, неудачниками? Кто разглядит в их отчаянии великую надежду, а если и разглядит надежду, то на что?

В сердцевине русской партии – зрелость, понимающая, что богатство и слава так же легко приходят зачастую к недостойным, как и покидают их. Русская партия – это игра «в долгую», работа на отдалённейшее будущее, которого никто из его создателей может не увидеть. Русская партия высаживает жёлуди и отгоняет от них равнодушных к будущему свиней. Вот и весь её смысл.

Русскому юнцу с его «желанием быть испанцем» (предстать в неведомо, как и кем пожалованных ему орденах пред стечением толп) невнятно стремление к «медленным прибылям» и в принципе к мало-мальски осмысленной жизни.

Если либерал выглядит целиком изготовленным из высокотехнологичного металла и пластика, русский партиец выглядит на его фоне деревянным с народной росписью, да ещё и потёртым, и кое-где треснувшим.

Именно потому выбрать партию и поприще нужно так же иррационально, как осуществлялся выбор нашего народа на протяжении долгих веков: признать своих, полюбить своих, быть верным им до гроба, и ни о каком ином выборе даже не помышлять.

Неказистое, простое, сделанное угловато, иногда откровенно впопыхах, «как пришлось», но, несомненно, сделанное здесь, и тем-то и родным тебе и твоему отношению к труду вообще. Заботиться об эстетике больше, чем о назначении и смысле, в русской системе координат и дурно, и легкомысленно, и свидетельством тому – вся наша и лёгкая, и тяжёлая промышленность. Без блеска, но с умом и назначением.

Почему же ровно наоборот – в словесности? И – наоборот ли?

ПРОКЛЯТИЕ ЭСТЕТИКИ. Если этический выбор в пользу партии созидания, а не разрушения более-менее ясен, эстетический выбор представляет собой громаду куда более неодолимую.

Проклятие эстетики состоит в том, что русская партия упорно и неодолимо предпочитает ратовать за наиболее «доходчивые» образцы словесности.

Ей желательно, чтобы стихи были «позадушевнее», а содержание попроще, попрозрачнее, пусть оно сто раз кажется примитивным. Глубина — в словах выношенных и пусть хоть миллион раз повторяющихся. Читается — канон, канва, по которой можно вышивать всю жизнь, не добиваясь, в общем-то, ничего, и даже собственного уникального голоса. В русском традиционном искусстве, таким образом, до сих пор процветает анонимность, стеснение выказать себя, распустить поводья и ухнуть филином что-то непотребное — «чтобы помнили».

Русское традиционное искусство напоминает пейзаж с элементами портрета, но такого же размытого, как синие лесные дали на вековечном горизонте. Не человек, а эмоция, не точный признак, но иконографическое сжатие лика в точку в антураже бесконечно расширяющейся или идущей прахом Вселенной.

Эстетика цветущей сложности, неуравновешенности поэтической эмоции с такой верой во временность любого из нас мириться никак не желает. Понятна интенция традиции к ясности, но ясна и причина такого исступлённо канонического понимания искусства: боязнь предательства. В сложных эстетиках омуты так и зияют отовсюду, и страшно нарушить и так неуверенный ход постоянно сотрясаемой глобальными катаклизмами жизни, пуститься в странствования, из которых можно и не вернуться.

В принципе можно говорить о том, что русская традиционная культура побаивается любой неоднозначности, подозревая каждую из них в измене.

Не замечает она иного и гораздо более важного: под личинами закадычных друзей в консервативные слои и словесности, и иных искусств постоянно пробираются «коробейники», бойкие торговцы дешёвыми подделками, отличить которые от подлинных шедевров адепты святой простоты не в состоянии.

В эстетике русской партии невооружённым глазом виден главный пробел — заведомая узость канонических воззрений с тенденцией к дальнейшему исключительно сужению, а также отсутствие системного вкуса к неоднозначности, глобальному вопрошанию человека о мире и себе самом, не скованному умолчанием. Развитие же вкуса так или иначе сопряжено с постоянным реагированием на самый широкий спектр произведений искусства, пониманием их внутренней логики. Нельзя строить поэтику будущих лет, опираясь только на Кольцова, Есенина и Рубцова. Каждый из них разорвал на себе достаточно цепей для того, чтобы служить образцом именно бунта против умолчаний открыто фарисейских, и чтить их память в словесности, прежде всего, означает не допускать повторений их интонаций, но чувствовать и сознавать с той же интенсивностью, что и они.

Но можно ли ждать от страны, где светское и во многом заимствованное на Западе искусство развивается на протяжении всего нескольких веков, страны, изнемогающей от внутренних и внешних распрей, какой-

либо лучшей реакции на искусство, нежели недоверие, отстранение, непонимание и равнодушие?

Трагичность сегодняшней ситуации заключена в том, что сегодняшним русским людям гораздо легче понять мазню и пачкотню откровенно прозападных «леваков» (вот уж чьи «смыслы» на поверхности!), нежели собственный национальный канон, и тем более эстетику развитого модернизма с его поистине мегалитическим пространством ассоциаций, скрытых и явных цитат из тысяч источников, иероглифической системой взаимных откликов, пересечений, вариаций на множественные сюжеты и их повороты.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ. Приходится признать одно-единственное полностью отвечающее логике настоящего момента направление деятельности для каждого избирающего себе участь в нашем новом искусстве: в русскую партию следует приходить оснащённым всем технологическим арсеналом антирусской партии, и направлять его на созидание, и просвещать русскую партию демонстрацией этого арсенала.

Как в поэзии не может быть хорошим тоном примитивная рифма, так и во всём том, что сегодня пытается быть голосом не одного, но сразу всех сегодняшних поколений, следует использовать максимум концептуально сложных методик, выражающих, по сути, несколько исторических концептов:

- мы и как страна, и как её люди, снова на перепутье, и всегда, видимо, были на нём, потому что отсутствие перепутья есть непролазное болото, где одурманивает сознание в основном суррогат «прогрессизма» (сегодня – безбрежного и бесстыдного потребительства);

- прежняя жизнь, отсечённая от нас десятилетиями идеологической и социальной борьбы, вызывает к нам с просьбой о понимании того, кем были наши предки, и кем являемся сами мы;

- наша обязанность – ощутить смысл страны в лучших её проявлениях, и преобразить его в творениях современности;

- смысл страны – не в бесконечном и бессмысленном повторе одного и того же, но в непрестанном совершенствовании самой себя, постановке перед собой задач мирового уровня, из каких затрат бы ни исходить;

- страна уже принимала участие в решении мировых задач, и блестяще с ними справлялась;

- нам нужно возродить в себе дух Победы, и не только военной, но и бытийной, и твёрдо опереться на генетическое умение побеждать, но не любой ценой и любыми средствами, а в строгом согласии с понятием доблести, без которой любая победа есть лишь насилие над природой и человеческими судьбами.

При такой постановке задачи перед всей русской партией у антирусской партии попросту не останется никаких шансов.

Продолжение следует

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Вассхус

Ирина Юрьевна Вассхус (Миронычева), родилась в Пензе в 1959 году. Окончила специализированную школу номер 6 (ныне 6 лингвистическая гимназия, Пензенский политехнический институт. Работала в разных должностях на предприятиях и в учреждениях Пензы, в том числе в Управлении информатизации Губернского банка «Тарханы». Затем уехала в Норвегию. Окончила курсы норвежского языка.

В настоящее время работает в финансовой фирме «Vasshus Regnskap».

Алексей Сузюмов

Алексей Евгеньевич Сузюмов – океанолог, чья научная деятельность связана с Мировым океаном и его морями, участник множества экспедиций на судах Академии наук, в том числе на знаменитом «Витязе». Он 24 года проработал в секретариате ЮНЕСКО, отделе морских наук, а ныне работает экспертом ЮНЕСКО. Живёт в Париже.

К родным берегам

Возвращаем полузабытое имя русского учёного-энтомолога
Г. В. Олсуфьева

*Чутко горы спят,
Южный Крест залез на небо,
Спустились вниз в долину облака.
Осторожней, друг, –
Ведь никто из нас здесь не был,
В таинственной стране Мадагаскар.
Ю. Визбор, 1952*

В историю Пензы и губернии вписано много славных российских имён. Среди них и жившие здесь представители старинного дворянского и графского рода Олсуфьевых, первое упоминание о которых относится к середине 16 века. Согласно Большой российской энциклопедии, зачинателем рода был Дмитрий Олсуфьев (Елсуфьев), который служил царю Ивану Грозному. Были в этом разветвлённом роду генералы и адмиралы, царедворцы и учёные. Олсуфьевы были в родстве с другими известными дворянскими родами, такими как Голицыны, Горчаковы, Толстые, Трубецкие и другие. Один из предков рода был обер-гофмейстером Петра Великого и Екатерины I. Другой был московским губернатором. Ещё один – статс-секретарём Екатерины II. Некоторые из Олсуфьевых были предводителями дворянства в разных губерниях. Лев Толстой, друживший с Олсуфьевыми, «по родственному» наградил в «Войне и Мире» чертами Олсуфьевых двух своих персонажей, в том числе Пьера Безухова.

Дворянский герб Олсуфьевых

Адам Васильевич Олсуфьев (портрет 1773 г.)

Пространства Дикого поля на востоке молодого Российского государства раздавались верным слугам царя и Отечества. Первым представителем рода Олсуфьевых, связанным с Пензой, был Адам Васильевич (1721–1784), крестник Петра I, личный секретарь императрицы Елизаветы Петровны, статс-секретарь императрицы Екатерины II, первый президент Императорского Вольного экономического общества, основанного в 1765 г., почётный член Санкт-Петербургской Академии наук, владелец крупной коллекции живописи и гравюр, погибшей в Московском пожаре 1812 г. Уцелело только его собрание русских портретов и русских народных картинок.

Адам Васильевич владел землями в Мокшанском (ныне Бессоновский р-н) и Нижне-Ломовском уездах, которые потом перешли к его потомкам. Усадьба Олсуфьевых была выстроена в селе Вазерки, до наших дней она не сохранилась. Его сын Сергей Адамович (1755–1818), генерал-майор, после отставки (1798 г.) жил в Вазерках. В свою очередь, его сын Дмитрий Сергеевич (1791–1858, Пенза), гвардии полковник, был почётным

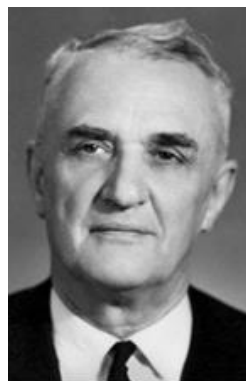
попечителем Пензенской гимназии и пензенским губернским предводителем дворянства. Он участвовал и в русско-шведской войне 1808–09 гг., и в Бородинском сражении под Москвой, и в Богемии в сражении под Кульмом в 1813 году, где пензенский пехотный полк громил французов. По выходе в отставку с 1819 жил в с. Вознесенском (бывшее Усть-Вазерки, которое позже слилось с Вазерками). А правнук Адама Васильевича Дмитрий Александрович (1780–1858) был последним из Олсуфьевых, кто владел Вазерками.

Но история пензенских Олсуфьевых на этом не закончилась. У Дмитрия Александровича (последнего владельца села Вазерки), был брат Василий. По воспоминаниям его старшей дочери Анны Васильевны Левицкой (урожд. Олсуфьевой), опубликованным в 1999 г., он был очень богат.

К этой ветви рода Олсуфьевых относятся два её представителя, имевшие непосредственное отношение к Пензе, оба – учёные-энтомологи. Сын Василия Александровича Григорий родился 2 (14) февраля 1875 г. в с. Каменец Смоленской губернии, а скончался 17 июля 1957 г. на Мадагаскаре.

Григорий Васильевич Олсуфьев
(1875–1957), фото получено
от внучки Г. В. Олсуфьева
Евгении Николаевны

Николай Григорьевич Олсуфьев
(1905–1988)

А его сын Николай Григорьевич родился в 1905 в с. Марковичи Волынской губернии и скончался в 1988 г. в Москве. Вскоре после рождения Николая семья переехала в Пензу. В 1921 году Николай окончил Пензенскую гимназию, после чего уехал учиться в Петроград, стал энтомологом. Был ещё родившийся в 1910 г. в Пензе младший брат Василий, судьба которого нам не известна.

Имя Николая Олсуфьева (1905–1988) хорошо известно среди эпидемиологов и паразитологов – тех, кто изучает насекомых-переносчиков тяжёлых заболеваний. Он создатель научной школы, национальная гордость России, был избран в 1957 г. членом-корреспондентом Академии медицинских наук. А вот имя его отца Григория Васильевича, учёного-энтомолога с международной известностью почти забыто в нашей стране,

только отрывочные сведения о нём встречаются, например, в Пензенской энциклопедии и в Википедии – увы, везде с ошибками. Произошло же забвение в силу исторических переломных обстоятельств во времена, в которых ему довелось жить и работать.

Мы постарались буквально по крупицам собрать сведения о жизни Г. В. Олсуфьева, опираясь преимущественно на французские и мадагаскарские источники.

Лучше всего о деятельности учёного говорят его статьи. Писал Олсуфьев свои статьи преимущественно по-французски, публиковал их и в Европе, и на Мадагаскаре.

Что и зачем изучают энтомологи

Энтомологи изучают самый многочисленный класс животных, занимающих всевозможные экологические ниши и встречающихся повсеместно, включая Антарктиду – насекомых, 70 % всего живого на Земле – это насекомые. Общее количество современных видов насекомых оценивается в диапазоне от двух до восьми миллионов. Из них описано более 1 млн. видов. Отец и сын Олсуфьевы всю жизнь посвятили поискам ответов на вопросы о роли насекомых в жизни биосферы.

А. П. Семенов-Тян-Шаньский (1940 г.)

Г. В. Олсуфьев считается специалистом по систематике жесткокрылых – жуков, пластинчатоусых (скарабеедов), прямокрылых (кузнечиков, сверчков, саранчи и т. д.) и перепончатокрылых (муравьёв, ос, пчёл, шмелей). Одна из его крупных работ посвящена мадагаскарским бабочкам, за которыми охотились коллекционеры всех европейских стран.

А Николай Григорьевич работал во ВНИИ защиты растений, потом стал паразитологом и эпидемиологом, изучал насекомых-переносчиков тяжёлых болезней, в частности, слепней.

К биографии Г. В. Олсуфьева: начало пути учёного

В биографии Г. В. Олсуфьева немало белых пятен. Он родился 2 (14) февраля 1875 года в семье Василия Александровича Олсуфьева (1831–1883). Согласно сведениям из Википедии кое-где без ссылок на источник информации можно прочесть, что Г. В. Олсуфьев был кавалергардом, ин-

женером, коллежским регистратором и т. д. Мы считаем эти сведения не достоверными.

Где он учился – точно не известно, но, опираясь на его большую публикацию 1900 г. (с продолжением в 1907 г.), вышедшую в Ежегоднике Зоологического музея Санкт-Петербургской Императорской Академии наук (на французском языке), можно предположить, что он учился в Санкт-Петербургском университете. Статья была опубликована, когда исследователю едва исполнилось 25 лет, и это была работа специалиста с хорошей профессиональной подготовкой, которую можно было получить, только пройдя университетский курс с его практическими работами. Где бы он нашёл время для получения инженерной специальности или службы в кавалерии?

Эта первая известная нам работа молодого учёного посвящена палеарктическим жукам-скарабеем. Палеарктическую область выделил по зоогеографическим признакам петербургский энтомолог Андрей Петрович Семёнов (позже Семёнов-Тян-Шаньский) – сын знаменитого географа, биолога, путешественника и государственного деятеля Петра Петровича Семёнова-Тян-Шаньского.

Для написания своей большой работы Г. В. Олсуфьев изучил коллекции жуков Зоологического музея – сборов, сделанных в XIX веке в Персии, Закаспии и Туркестане несколькими российскими энтомологами, включая А. П. Семёнова, который работал в том же Зоологическом музее. Т. е. он был старшим коллегой Олсуфьева и сыграл в послереволюционное время заметную роль в его жизни.

Уже в начале XX века Г. В. Олсуфьев опубликовал несколько работ о насекомых, его имя стало известно в европейских кругах специалистов-энтомологов. Он стал членом Русского и Лондонского энтомологических обществ и Энтомологического общества Франции.

Семья Олсуфьевых несколько раз переезжала, и дети от первой жены рождались в разных губерниях Российской империи.

Но в 1914 или 1915 году он оставил семью и женился на девице Наталии Анфиловой. Детей в этом браке не было. Жену он любил и присвоил имя Наталии

Г. В. Олсуфьев с первой женой А. А. Соломирской. Фото с сайта Аллы Зиминой (литературный и сценический псевдоним Ольги Григорьевны Олсуфьевой, 1903–1986) с надписью: «Мои родители. Снимок сделан мной в июле 1914 г. Последний их снимок вместе»

открытому им в 1916 году жуку бронзовке с характерным белым рисунком на чёрной «спинке».

Ещё одно открытие он посвятил старшей дочери Ольге, ставшей поэтессой и актрисой (псевдоним Алла Зимина).

В Пензу Олсуфьев с семьей переехали после 1905 года.

Продолжение следует

Галина Гаврилова (Томкович)

Галина Мичеславна Гаврилова (Томкович) родилась в селе Буды Иссинского района Пензенской области. Окончила среднюю школу в селе Шадымо-Рыскино Инсарского района в Республике Мордовия, историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. Лобачевского.

Работала воспитателем в детском саду; корреспондентом иссинской районной газеты «Вперёд»; методистом в районном отделе образования; воспитателем группы продлённого дня в школе, преподавала историю и обществознание в общеобразовательном лицее, вела занятия на отделении «Экология» в ДЮЦ Иссy. Участвовала в работе научно-практической конференции «Моя малая Родина».

Публиковалась в иссинской районной газете «Вперёд».

Село моё родное

Если обрубить у дерева корни, то оно засохнет. Корнями для человека является его историческая память, благодаря которой мы ощущаем свою причастность к истории нашей Родины, прежде всего, к истории нашей малой Родины.

В жизни каждого человека – у кого раньше, у кого позже, наступает такой момент, когда приходит осознание необходимости узнать о своих предках, своих исторических корнях. А они связаны с конкретными местами, конкретными занятиями, образом жизни; всё это и формирует в своих хитросплетениях человеческие судьбы. Думаю, поговорку: «Где родился – там и пригодился» можно представить и так: «Где родился – там и научился».

38 населённых пунктов, существовавших ранее на территории Иссинского района, прекратили своё существование. Среди них моё родное село Буды. Жизнь моих предков по материнской линии связана с этим селом, которое в конце 20 века ещё можно было увидеть на карте Пензенской области. Сейчас его нет ни на карте, ни в реальности. Однако оно жи-

вёт в моей памяти и, верится, в памяти многих моих земляков, разбросанных по белу свету.

Название нашего села не совсем обычно для района. Чаще поселения называли по имени-фамилии того или иного человека, например, владельца усадьбы: Долгоруково, Уварово, Степановка; или по местоположению: Каменный брод; названию реки: Исса, Широкоисс. Название Буды произошло от слова будки. Потому что изначально здесь появился будный стан по производству древесной золы и поташа. Жители села помнили об этом и в XX веке.

Будный стан на территории нашего села возник на посольской (царской) дороге из Москвы в Астрахань после или одновременно со строительством крепостей Саранск и Инсар. Тогда же были проложены гати.

Пока существовало село, уже на моей памяти, жители его пользовались этими дорогами, правда, заросшими травой, для поездок в Инсар и в противоположную сторону – в Исса, Саранск. Ещё в конце 19 – начале 20 века в Будах работал винный завод.

В Мордовском государственном архиве мной обнаружена следующая информация. Во второй половине 18 века (до 1785 года) дворянкой Елизаветой Никитичной Шепелёвой на месте будных станов по производству древесной золы и поташа основано село Буды. Крестьяне сюда были переведены из села Хитрово (территория Инсарского района, Мордовия). Приходом село состояло при церкви во имя Сергия Радонежского и воскресения Христова в селе Уварово-Хитрово (современное село Уварово на территории Иссинского района Пензенской области).

Судя по тому, что в нашем селе никогда не было церкви, владельцы имения не были достаточно богаты, но «крестьяне были переведены» (не куплены) из села Хитрово Инсарского же уезда, а это означает, что Буды были не единственным их имением.

После прокладки железной дороги в восточной части района, наше село стало «заштатным» и начало потихоньку мельчать.

Через Буды протекала речка Шишовка, её и сейчас ещё отмечают на некоторых картах. Раньше она была довольно широкой. Помню, во время половодья она разливалась так, что заполняла мутной водой старое русло. А когда вода убывала, большая часть бывшего речного дна так и оставалась

непригодной даже для выпаса скота, не говоря уж о какой-либо хозяйственной деятельности. Гуси – вот кто чувствовали себя там комфортно!

На некоторых картах Шишовка обозначена, как река Шишов или вообще Шишов ручей. Но через Буды протекает именно река с названием Шишовка – так её называли жители села, да и в архивных документах, в перечне рек, протекавших по территории Инсарского уезда в начале 20 века, упоминается именно Шишовка. Правда, там описываются две реки, приблизительно одной протяжённости (7–8 вёрст), имеющие разные истоки и впадающие одна в Иссу, другая в Шеркаис. Наша река берёт начало близ деревни Рыскино, течёт через Буды и впадает в Иссу. На карте Иссинского района 1933 года нет вообще никакой речки.

Мне не удалось узнать, кто были последние владельцы нашего села, сохранились лишь воспоминания, что последний владелец был врачом. К ним часто приезжали гости, в имении было весело. Барин был добрый. К 1917 году в имении жила одна хозяйка. Муж её умер (возможно, погиб на войне), а единственная дочь утонула в пруду. Хозяйка была очень строгая, и работники её побаивались. Рассказывали, что она уехала из Буд после революции с любимым кучером... Слугам своим перед отъездом раздала много вещей. Одной женщине достался сундук с вещами. А та позже, тоже уезжая из села, подарила его моей бабушке. Этот сундук цел до сих пор. И до сих пор не даёт покоя тайна этого поместья, одного из тысяч и тысяч канувших в лету.

От села до поместья два с половиной километра. Мы в детстве ходили туда за ландышами весной (в деревне они ни у кого не росли), летом за ягодами, осенью за калиной и боярышником. И через полвека просматривались там следы прежней красоты. Какой же большой и красивый, наверное, был сад при хозяевах, когда за ним ухаживали!

Елена Козина-Сазыкина

Елена Александровна Козина родилась в 1977 году в городе Заречном Пензенской области. Окончила Самарскую академию культуры. Работает заведующей городской библиотекой № 8 в пос. Ахуны. Живёт в Пензе.

Две прогулки по Ахунам

Странная вещь человеческая память. Как много она может в себя вместить, как будто кто-то невидимой рукой складывает её кусочки на полки, а в подходящий, а впрочем, может и не в подходящий момент, достаёт оттуда воспоминания. Особенно часто они всплывают в памяти, когда ты просто идёшь по улице. Так случилось и со мной,

когда я направлялась в Храм Святого Николая Чудотворца Мирликийского в Ахунах. Мне очень нравятся такие деревянные храмы, построенные, как говорят, без единого гвоздя. Они уютные, и в них витает свой, неповторимый дух.

Поднимаясь от остановки к храму, кто-то невидимой рукой достал с полки памяти моё воспоминание и подсунул его мне прямо под нос. Перед глазами встала картина такого недавнего и в тоже время такого уже далекого прошлого, когда мы с мужем также поднимались от остановки к храму и тихо о чём-то беседовали, о чём, уже не помню, да и не в этом суть. Дело было осенью, под ногами красиво шуршала жёлтая опавшая листва, было тихо и уютно на душе, и лишь изредка проезжавшая машина немного нарушала эту гармонию в природе и в душе. Мы шли на таинство венчания. Так мы решили, прожив вместе одиннадцать лет. С тех пор прошло немало времени, но ни в облике посёлка Ахуны, ни в облике самого храма почти ничего не изменилось. Всё те же многовековые могучие сосны, всё тот же великолепный, ни с чем не сравнимый запах хвои, и всё тот же величественный деревянный храм, возвышающийся над верхушками деревьев.

Храм был построен в 1992 году по проекту архитектора Дмитрия Александровича Борунова. В 1998–1999 годах при храме была возведена колокольня, а в декабре 1999 года состоялось торжественное освящение и водружение на неё шатра и купола. Сам храм выстроен в лучших традициях русского деревянного зодчества.

Пройдя маленький дворик с очень симпатичной детской площадкой, оказываешься у входа. Небольшая деревянная лестница ведёт к входу внутрь храма. И ты сразу замираешь от восторга и трепета, видя перед собой красоту деревянного иконостаса. Повсюду, как и много лет назад, когда мы с мужем были здесь, потрескивая, горят свечи, и через окна проникают лучи солнца, растекаясь по внутреннему убранству храма подобно тонкой прозрачной органзе.

Вспомнилось, как мы волновались, ожидая прихода священника.

Наконец, он вышел из алтаря, и началась венчальная служба. Торжественно пел хор. И вот священник соединяет мою руку с рукой мужа и покрывает их сверху епитрахилью.

И вдруг раздаётся детский восторженный вскрик: «Мама, мама, смотри, как красиво!».

Я вздрагиваю и оборачиваюсь: какой-то малыш восторженно тычет пальцем в иконостас и ещё что-то громко говорит. Слов я не могу разобрать, я нахожусь в каком-то ином мире.

Но вскоре нарастающий посторонний шум постепенно возвращает меня в реальность. Я, стараясь не разрыдаться, подхожу к канону и ставлю свечу.

ПУБЛИЦИСТИКА

Антон Хрулёв

Антон Геннадьевич Хрулёв родился 30 марта 1989 года в г. Никольске Пензенской области.

Он автор сборника стихов «Рассвет души». Публиковался в различных изданиях районного, областного, федерального и зарубежного уровня.

Дипломант VI межрегионального фестиваля «Часовые любви», 50-го Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в Языково, I-го литературного фестиваля «Белинская весна», Победитель Всероссийского конкурса «Школа литературной журналистики «Молодой Дельвиг».

Сотрудник Фонда содействия развитию русской культуры. Член Союза журналистов России. Спецкор «Литературной газеты». В настоящее время находится на СВО.

Оркестр Победы

Вот уже девятый год русские солдаты бьются за освобождение Донбасса от укро-нацистской нечисти, которая решила присвоить себе наши земли. От всего русского они начали избавляться ещё задолго до начала этой жестокой, беспощадной и кровопролитной войны. Конечно, не оставляют наших воинов и артисты. С гастрольями приезжают в прифронтовые зоны, тылы, госпитали. Звучит музыка, льются песни, на суровых лицах защитников проявляется улыбка, а иногда и мужская, пропитанная болью и кровью слеза. К чему это я? Однажды, когда я находился на Малой Родине неистового Виссариона, в Чембаре (ныне город Белинский), в Комсомольском парке, у местного Дома культуры духовой оркестр играл произведение Василия Агапкина «Прощание славянки». Под эту музыку наши деды и прадеды уходили на фронт, чтобы бить немецких захватчиков. И так уж случилось, что и на плечи сынов и внуков выпала такая «работа» — защитить Родину, дом, семью, русскую культуру. Со своими боевыми товарищами я и сам уходил под эту мелодию на войну. Приказа умирать не было, но это война. Кажется, что мы все остались там...

Роль духовой музыки, звучащей на площадях и улицах, стадионах и в парках, по радио и телевидению, поистине огромна. Они вселяют в народ веру и надежду на победу над лютым врагом. Голоса инструментов оркестра призывают на подвиг и на труд, вызывают ностальгию, зарождают в душе любовь и творческий порыв.

Сейчас редко где можно услышать духовой оркестр, а уж тем более в провинциальном городке, который насчитывает менее десяти тысяч жителей. Но жителям Чембара повезло: они могут слышать выступления оркестра и в День Победы, на осенних и весенних ярмарках, на проводах молодых людей в ряды Российской Армии, на Масленицу, на ретро вечерах и в любой воскресный день. В его репертуаре марши и музыка из кинофильмов, старинные вальсы и современные мелодии.

Из истории основания оркестра.

Истоки зарождения Чембарского духового оркестра относятся к 30-м годам XX века. Тогда он принадлежал городской пожарной команде, и его первым капельмейстером был Станислав Филиппович Бржезитский – начальник Чембарской городской пожарной команды, или, как называлась эта должность, брандмейстер. Пожарные тогда носили каски, и медь инструментов оркестра красиво сочеталась с металлом головных уборов оркестрантов, придавая им величие и боевитость.

Было время, когда оркестр насчитывал около 30 человек. В нём занимались лучшие ученики и преподаватели детской музыкальной школы, руководил оркестром Михаил Григорьевич Семка. Под его руководством коллектив прекрасно исполнял увертюру А. Петрова к кинофильму «Укрощение огня» и произведение Яна Френкеля «Погоня». Эти довольно сложные произведения под силу не каждому любительскому оркестру.

Теперь, под руководством Алексея Воробьёва, оркестр носит звание народного. И это в провинциальном городе.

За 80 с лишним лет в разное время, различные условия и отношение пережил коллектив духового оркестра. Сменялись руководители и участники, но, несмотря ни на что, коллектив продолжает свою творческую жизнь.

«И сейчас многие мальчишки приходят в духовой оркестр, чтобы связать свою жизнь с музыкой. «Как сказал Фридрих Ницше, без музыки жизнь была бы ошибкой», – любит повторять Алексей Воробьёв.

А я свято верю в то, что любовь к музыке у людей не угаснет, а оркестр Победы прозвучит не только у стен Кремля, а ещё у Киевской Рады и во всех регионах страны.

Победа обязательно будет за нами!

Евгений Винокуров

Оркестр

Копну могучей шевелюры
На струны скрипки уронив,
Скрипач пилил из увертюры
Какой-то сбивчивый мотив.

Флейтист был робок.
Словно флягу,
Поднявши флейту в вышину,
Как в зной по капле cedят влагу,
Он ноту пробовал одну.

Но, вскинув пару тощих прядок,
Встал дирижёр и подал знак,
И тотчас же обрел порядок
Оркестра шумный бивуак.

В молчании пред дирижером
Оркестр в колонне по пяти
Застыл,
готовый по просторам
На смерть и подвиги идти.

И вздрогнул мир, и пали стены,
И даль темна и глубока,
И свет пожаров вместо сцены,
И звёзды вместо потолка.

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕИ»

Галина Фсизенко

г. Сердобск Пензенской области

Валентине Филатовой

Как тянет к Вашему двору
С простым укладом!
Калиткой скрипнешь поутру –
Повеет ладом.

А лад – от песенных начал,
От хлебосольства.
В нём материнская печаль
И Ваша совесть.

Не разбивал Ваш тихий двор
Эстет московский,
И так привычен в нём забор
Из «певчих» досок!

А вдоль забора пёстрый хор –
В распеве астры.
Приятен слаженный мажор
Календул страстных.

Здесь столько создано стихов
И песен складных,
Что ритм идёт и от пеньков,
И с веток яблонь!

Найдёшь в черешне над столом
Мелодий соты,
В ней «бусы» с тонким черешком
Как знаки-ноты.

Здесь воздух мёдом напоён,
Звенит, как гусли.

Стихи возьмут тебя в полон
И не отпустят.

Поют «в анисах» сарафан,
Блузон, панамка...
Вы – светом брызжащий фонтан,
Двора хозяйка!

Ольга Шагапова

г. Пенза

Ольге Корчагиной

Ты помнишь,
как в июльский жаркий полдень
Мы собирали паданцы в саду.
Был воздух ароматом переполнен
Антоновки и браги на меду.

Шептался с ветром старый добрый сад,
В ответ согласно ветками кивая,
Зрел у забора дикий виноград,
Там весело бранилась птичья стая.

Луч солнца сквозь зелёную канву
Лукаво трогал ягоды малины.
Сверкая, как старинные рубины,
Они бесшумно падали в траву.

Чирикнув дерзко, молодой пострел
Хватал из-под руки печенья крошки.
В сторонке чайник звонко песню пел.
Мурча, дремала на скамейке кошка.

Забыв свои насущные дела,
О чём с тобою мы не толковали!
От бабьего извечного «ла-ла»
До древних карфагеновых развалин.

Нам лишь мешали стрелки на часах,
Так много тем для разговора было.
Не говорили только о стихах:
Здесь всё и так стихами говорило.

Нина Стёпочкина

г. Пенза

Татьяне Рузаевой

Горстку примороженной рябины
бросила в бурлящий кипяток...

Татьяна Рузаева

Она стояла под дождём,
И я подумал о простуде.
Наверное, кого-то ждёт.
«Блаженная», – шептались люди.

Я пожалел её – водой
уже наполнились ботинки.
Накрыл зонтом, но всё равно
я для неё был невидимкой.

– Кого-то ждёте? Может быть
Супруга или дочку?
Нет-нет! Она уже пришла –
концовка строчки.

Он так рождался тяжело.

– Кто он?

– Росточек.

И столько выбросила я
ненужных строчек.

Сквозь нелюбовь так тяжело
пробиться к небу...

И я подумал:

за ростком пора и мне бы...

– Ну, раз она уже пришла,
домой идите,

Да чай с малиной поскорей
Там заварите.

– Не пью с малиной.

У меня рецепт старинный.

Как только заболит душа,

Чай нужен из рябины.

СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Антон Хрулёв

Антон Геннадьевич Хрулёв родился 30 марта 1989 года в г. Никольске Пензенской области.

Он автор сборника стихов «Рассвет души». Публиковался в различных изданиях районного, областного, федерального и зарубежного уровня.

Дипломант VI межрегионального фестиваля «Часовые любви», 50-го Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в Языково, I-го литературного фестиваля «Белинская весна», Победитель Всероссийского конкурса «Школа литературной журналистики «Молодой Дельвиг».

Сотрудник Фонда содействия развитию русской культуры. Член Союза журналистов России. Спецкор «Литературной газеты». Херсонский фронт.

Пятнадцать

Моросил осенний дождь. С самого утра на Чертовку опустился густой туман. Было относительно спокойно. В радиозфире была мёртвая тишина, но с окраины деревни доносился треск автоматов.

Профессор и Волк стояли возле хаты и о чём-то разговаривали. Вдруг в тумане возник силуэт. Бойцы отошли за угол и начали всматриваться.

Шёл человек невысокого роста. Правая рука его была перебинтована и висела на повязке. С левого плеча постоянно спадал вещмешок. Когда человек подошёл ближе, Профессор узнал в нём Папуса из своей группы, который неделю назад был отправлен в госпиталь с осколочным ранением. Но всё-таки, чтобы убедиться, спросил:

– Папус, ты что ль?

– Я-я-я, – протянул тот.

– Ты же в госпитале должен быть?

– Да сбежал я оттель. Скучно там. Каждый день одно и то же. У вас тут веселее будет, – с улыбкой ответил Папус.

– Пошли-ка в хату. Чаю выпьем, заодно и расскажешь обо всём, – по-братски обнимая товарища, произнёс Волк.

Едва они скрылись за дверью, к ним в огород прилетела мина. Вместе с землей во двор посыпались осколки.

– Вовремя зашли, – придерживая правую руку, произнёс Папус.

– Всё нормально, не переживай, ты просто многое пропустил, пока был в госпитале, – выходя из комнаты, оповестил Крым.

Атмосфера в хате была совсем мирная. На печурке отчаянно пыхтел чайник. По горнице, мурлыкая, бродил кот. Сели за стол.

– Помолимся, братья! – предложил Профессор.

В отделении были ребята из разных регионов России, и православные, и мусульмане, и буддисты... Каждый молился по-своему, но все думали об одном, даже атеисты – скорей бы закончились бои и чтобы остаться в живых.

– Слава Богу за всё, – вслух произнёс Профессор, закончив своё краткое мысленное моление.

Сэнсэй поставил на стол всё ещё буркающий и исходящий паром жестяной чайник. Папус начал рассказывать, как его зацепил осколок, как парни вытащили его, и как лечили в санчасти. Потом он замолчал, напряжённо глядя в пол.

– Папус, что с тобой? Ты чего замолчал? Всё нормально? – легонько толкнул его в бок Смех.

– Да, да, всё хорошо! А вы слышали про Варваровку? – задал Папус встречный вопрос.

– Нет, не слышали, а что с этим селом не так-то? – спросил Алтай.

Подлив себе кипяточку, оглядев по очереди сидящих за столом, Папус произнёс:

– Там ад. Со мной в палате лежал солдат из 123-го мотострелкового полка, он рассказывал, как их там накрыли, и что у них не было ни связи, ни артиллерийской поддержки. «Над окопами, – говорит, – дроны кружат, как коршуны, гранатами засыпают. Выживешь – хорошо, а нет, так и нет. Может, и найти нечего будет». Вот так вот братцы. Хотите – верьте, а хотите – нет.

– А как же тогда он сумел выйти оттуда? Он об этом что-нибудь говорил, Папус? – нахмурившись, спросил Чапай.

– Сорок раз говорил. Присыпало его в окопе, а когда обстрел закончился, он из-под земли выбрался, стал своих ребят искать. Трое их осталось, раненых, да одного не зацепило совсем. Ладно, пойду, отдохну с дороги, – произнёс Папус и отправился в боковую комнату.

Профессор, Волк, Смех, Алтай, Чапай, Крым, Сэнсэй, Клоп и Шёпот молча переглядывались. Зависшую тишину нарушил миномёт, который находился неподалеку от их расположения.

– Что, задумались, хлопцы... – сказал Крым.

– Поживём, как говорится, и увидим, что будет, а пока пошли-ка заготавливать дрова, – похлопав по плечу Крыма, ответил Волк.

День провели в работе. Вечернее уже небо начали озарять яркие вспышки.

– Заработали наши ГРАДы! – восхищённо произнёс Смех.

На такое зрелище хотелось смотреть долго и представлять, как снаряды попадают точно в цель, враг отступает, и что скоро мы все с победой вернёмся домой.

Пила да топор сделали своё дело, уставшие от работы, какой либо не знали, либо от неё отвыкли, бойцы заснули этой ночью как убитые. Но соседский кочет начал голосить с четырёх часов утра. Профессор проснулся и вышел во двор. Утро было погожее. С неба уже исчезли звёзды, и только бледный месяц пытался спрятаться за углом обветшалого сарая, который едва стоял, облокотившись на кусты шиповника.

В калитку, покачиваясь, зашёл ещё сонный Злой – посыльный из штаба.

– Волк и Клоп здесь?

– А где им быть? — ответил вопросом на вопрос Профессор.

– Значит, так, приказ Чародея, – входя в хату, провизжал Злой. – Клоп и Волк, слушайте приказ. Минут через двадцать сюда подъедет «Камаз». Пылите на правый фланг, где стоит наше отделение. Быстро забираете бойцов с вещами и везёте их в Варваровку. После чего возвращайтесь обратно. Ах, да, чуть не забыл, скажите им сразу, что ни связи, ни огневой поддержки не будет. И не спрашивайте меня, почему. Я сам не знаю. Пусть они найдут там Лесника. Продержаться им надо будет до подхода основных сил – дня три.

– Вот тебе и приказ. Это ж верная погибель для наших парней, – прошептал на ухо Смеху Алтай.

– Вам всё ясно? – глянув на обоих, бросил Злой вопрос в сторону уже облачавшихся Волка и Клопа.

– Так точно! – подпрыгнув, нарочито выкрикнул Клоп.

– Клоп, а чего это ты так подпрыгнул? – подначивая, спросил Крым.

– Боевой дух поднимаю, – так же ёрничая, прогнусавил Клоп.

– Можно узнать, какого... мы их там оставим без связи, без огневой поддержки? Без продовольствия, наконец? А если они не найдут этого Лесника, что тогда? – сурово глядя на Злого, спросил Волк.

– Поговори тут! Не твоего ума дело! – ответил тот с недовольным выражением лица.

– Да как же так... Что за... Это же верная смерть! – не сдержавшись, выкрикнул Дед.

– Отставить разговоры! – гаркнул, входя в хату, Чародей. – Приказ слышали?

– Так точно! – отрапортовали все хором.

– Ну, вот и хорошо! Выполнять! – приказал Чародей и так же неожиданно, как появился, вышел из хаты.

– Братцы, что ж это получается? Как так-то? Ну, ответьте хоть кто-нибудь? – нервно спросил Сэнсэй.

Но в ответ лишь раздался шум мотора подъехавшей к хате машины и два коротких сигнала. Волк и Клоп посмотрели друг на друга и, закинув автоматы за плечи, побежали к дороге. Злой заспешил за ними.

– Вы только... – не успел он договорить, как водитель «Камаза» рванул с места, окатив его грязью.

– Твою ж дивизию... – выругался Злой и, вернувшись в хату, попросил у Профессора сухой ветоши, чтобы вытереть лицо и очки.

Когда он ушёл, в горнице воцарилась мёртвая тишина. Каждый думал о чём-то своём. Шёпот и Смех чадили одну сигарету за другой. Алтай пытался впихнуть в печку полено, но она и без того была набита до отказа. Все всё понимали. Наступили долгие часы ожидания. Профессор встал перед иконой Казанской Божьей Матери и начал молиться о здравии и спасении воинов, которых в скором времени повезут в Варваровку.

В нервном ожидании провели весь день и вечер. Ближе к ночи Алтай предложил поутру отправиться на поиск товарищей. Согласились все.

– А на чём мы туда доберёмся? – спросил Сэнсэй.

– Попробую достать транспорт, – ответил Профессор.

По радиии он связался с Кедром из разведгруппы и спросил, не сможет ли тот прокатить их «за ягодами». Тот не отказался. Оставалось дожидаться утра.

В эту ночь никто не мог уснуть. Профессор пил кофе – одну чашку за другой. Смех нервно ходил по горнице из угла в угол и то и дело смотрел на часы. Шёпот успокаивал себя тем, что готовил лучины для розжига. Сэнсэй начищал свой автомат, который и без того блестел. Алтай что-то писал в блокнот и тут же зачеркивал, вырывал листки, комкал и бросал в мусорное ведро.

Когда закукарекал соседский петух, все оживилась. Начали готовиться к выходу. Брали только необходимое: гранаты, магазины, заряженные бронебойными патронами, перебирали аптечки, добавляя в них побольше обезболивающего.

Вдруг под окнами раздался визг тормозов. Шёпот нервно передёрнул затвор автомата. Тишина стояла такая, что можно было услышать сердцебиение каждого, кто находился в комнате. Дверь в хату открылась, и внутрь ввалились Волк, за ним Клоп и незнакомый водитель. Тут же, следом за ними явились Кедр и Злой.

– Где вас черти носили? Что случилось? – посыпались вопросы.

Волк оглядел присутствующих в комнате и вдруг, крепко заматерясь, бросился на Злого с кулаками. Его оттащил Смех, держал, что было силы. На помощь ему подоспел Алтай. Но Волк, пытаясь вырваться из рук товарищей, продолжал кричать:

– Мужики, пустите! Эти суки выдали нам билет в один конец. Чародей и Злой знали, всё, суки, знали. И то, что там нет никакого Лесника, и что мы бы там и дня не простояли. А «Камаз» наш сожгли к чёртовой ма-

тери после того, как вот эта сука, – показывая на Клопа, – кричал он, – велел оставить его на дороге и выгружаться. Едва мы успели отойти от машины метров на пятьдесят, чтобы осмотреться, как в него прямой наводкой прилетел снаряд. Всё сгорело.

– А где Седой со своими, где?! – прокричал Алтай Волку.

– Не знаю. Мы сразу же рассредоточились. Со мной были только эти двое. Мы отошли вправо, а ребята, по-моему, в левую сторону. Но знаю одно, что в машине никого не было. А эта гнида Злой знал, что оттуда нам не выйти.

Злой, как ни в чём не бывало, пересел со скамейки на табуретку к столу и начал заполнять какие-то бумаги. Смех и Алтай вывели Волка на улицу, чтобы спокойно с ним поговорить и разузнать, что там происходило вчера.

– Кедр, ну что, едем? Нужно всё-таки отыскать оставшихся там. Их пятнадцать человек, – сказал Профессор.

– Конечно! Только у меня всего два места. Кто ещё поедет с нами?

Вызвались Чапай и Крым.

Немного успокоившись и отдышавшись, в хату зашёл Волк, Смех и Алтай – следом за ним.

– Чапай и Крым едут с Кедром в Варваровку, – сказал им Профессор.

– Может, лучше мы с Алтаем поедем. Мы люди бывалые. Знаем, что и как, – предложил Смех.

– Ладно, езжайте вы, – Профессор снял разгрузку и отдал её Смеху. – Чтоб лично в руки отдал мне. Я не хочу за ней ехать и искать вас у чёрта на куличках.

– Не переживай, Профессор, конечно, вернусь, меня дома ещё тёща ждёт, жена, пятеро детей и ипотека. У меня выбора нет.

Все заулыбались. Обстановка немного разрядилась.

Вышли во двор. Смех и Алтай забрались в чуть живой «УАЗик», приписанный к их отряду. Но по Чертовке он бегал исправно.

– Доедет? – спросил Шёпот у Кедра, постучав по капоту машины.

– А то! Знал бы ты, из каких передряг мы на нём выбирались, – ответил Кедр.

– Всё, мужики, езжайте с Богом! — перекрестив машину, произнёс Профессор.

«Уазик» затарахтел и завилял по разъезженной колее.

Часа через два за окнами раздался дикий крик Алтая:

– Живые! Они живые, братцы!

Все высыпали из хаты.

По дороге двигались пятнадцать пеших бойцов. Впереди, прихрамывая на левую ногу, шёл их командир отделения – Седой. Им навстречу побежали Сэнсэй, Волк, Крым, Шёпот и Чапай. Дед и Профессор обнимались и, от радости, что товарищи остались живы, никто не стеснялся слёз.

Седой, подойдя к Злому, сказал:

– Сука ты редкостная. Вот скажи: зачем вы нас туда отправили, если знали, что там настоящий ад? И что выбраться оттуда практически невозможно?

– А я-то что... Приказ... – промычал Злой. Его трясло. Глаза от страха, что могут избить, были на выкате.

Злого спасло то, что к хате подъехал бронированный автомобиль, из которого вылез невысокого роста человек, а за ним – два рослых крепких бойца. Приехавший явно был каким-то важным человеком на фронте. Он что-то сказал вполголоса одному из своих бойцов, тот подбежал к Злому и передал сказанное. Злой немедленно удалился.

– Ну, бойцы, ай да воины, молодцы, братцы! – говорил приехавший мужичок, пожимая руки вернувшимся из Варваровки.

Профессор подошёл к одному солдату из сопровождения и поинтересовался, кто это?

Тот с удивлением ответил:

– Что, вы не знаете, кто это?! Ну вы, блин... Это ж Батя! Командующий этого направления.

– Вот это да, – присвистнул Профессор и пошёл к своим. По цепочке передали, кто перед ними.

И тут Батя неожиданно спросил:

– Чаем-то хоть напоите, мужики?

– Конечно, напоим, пойдёмте в хату, – пригласил Сэнсэй.

Усевшись за стол, Батя осмотрел всех:

– 200-е, 300-е при выходе из Варваровки были?

– Никак нет, товарищ командующий! – встав, отпрапортовал Седой.

– Да садись ты.

Батя общался с бойцами, как с родными сыновьями. Он им честно ответил, что как только узнал о том, что Чародей снял с фланга солдат и отправил их в Варваровку, он тот же час выехал в Чертовку.

– Но сами понимаете... Связь у нас здесь никакая. Ну, хлопцы, отдыхайте, мойтесь, стирайтесь, приводите себя в порядок, – напоследок сказал Батя.

На следующий день бойцы узнали, что Чародей снят с должности командира отряда.

Профессор сходил в церковь, поблагодарил Бога за спасённые жизни товарищей. И подразделение продолжило выполнять поставленные уже новым командованием боевые задачи.

Игорь Панин

Игорь Викторович Панин родился 9 ноября 1972 года в Воронежской области. Окончил факультет филологии Тбилисского государственного университета. Автор нескольких книг стихов, публиковался во многих российских журналах, долгое время работал в «Литературной газете». Поэт, публицист, военкор, волонтер.

В 2022 году совместно с поэтом Алексеем Шороховым запустил проект «Буханка» для Донбасса, благодаря которому фронт получил уже 11 машин УАЗ-«буханка», десятки дронов, генераторов, ночных прицелов и много самого разнообразного снаряжения.

Потому что так надо

Освободители

За Днепром до утра не стихает заря,
и не гложет опять канонада.
Мы затеяли это, конечно, не зря,
потому что так надо.

Не впервой против всех, и не так-то легко,
но об этом давно нас просили.
Наконец территория средних веков
станет югом России.

Мы и эти, и те заберём берега,
остановимся, где пожелаем.
И заглянет в холодные бельма врага
лишь луна пожилая.

Непременно поэты восславят вдогон
небылинные грозные были, —
как мы рвали укрепления, как грызли бетон,
как мы бились и били.

И кропя своей кровью опять и опять
полевые волнистые травы,
мы на всю эту землю, на каждую пядь
претендуем по праву.

Мобилизация

Шумно переулками, дворами,
так напоминая салажат,
шли вчера, смеялись и орали,
а теперь и новые спешат.

Только подойдя к военкомату,
разложив баулы у дверей,
закурив и выболтавшись матом,
все они серьёзней и мудрей.

Доблести напрасной не бывает,
каждый для чего-нибудь рождён.
Нам расскажет пресса фронтовая,
как там они лезли на рожон.

И поймём из сводок образцовых,
что не всем ребятам повезло;
жалко, что не знали мы в лицо их,
не узнать и общее число.

Но воздать ещё придётся дань им:
и кому-то – крест, кому – звезда;
лишь не нужно мутных оправданий,
ибо правы раз и навсегда.

Вот они – наивны и чудесны,
многого ещё не взявши в толк,
под ногами не увидев бездны,
выполняют непривычный долг.

Тяги нет к чужому караваю,
просто слишком дорог свой уют.
На войне обычно убивают,
но не всех, конечно же, убьют.

Бодро переулками, дворами,
шли и шли, и вот опять они
гомонят беспечно утром ранним...
Господи, спаси и сохрани.

Марш похоронной команды

Обороной не славимся мы,
и атака – не наша стихия.
Но объехав поля и холмы,
все углы перешарим глухие:
глаз намётан, набита рука,
и привычка к жестокой болтанке;
фронта линия недалеко,
собираем привычно останки.

Сортируем добычу свою,
опасаясь то мин, то растяжек.
Погибаем порой не в бою,
и паёк наш не менее тяжек.
Но наград не видать, что ушей,
на героев совсем не похожи;
узнают нас по взглядам уже
и по запаху стойкому тоже.

Мы не воины – так говорят,
повстречать нас – плохая примета.
Разложили мешки свои в ряд –
получили спасибо за это.
И по новой к позициям мчим,
не кончается наша работа;
кем-то задан нелёгкий почин,
и теперь убирать должен кто-то.

Наше дело – молчать и не сметь
напрягать тех, кто скован и робок.
Вы предвидеть не сможете смерть,
нам же с нею тереться бок о бок,
проверяя участки, где днём
выются мухи томительным роем...
Но однажды вот так подойдём
и спокойно глаза вам закроём.

Памяти друга

Сказали: без вести пропал,
а я-то знаю – ты убит;
угас воинственный запал
и нет ни боли, ни обид.

Лежишь, раскинувшись, в грязи
и нам подать не можешь весть.
И отыскаться не грозит —
истлел местами или весь.

Обидно, что с тобой вот так,
но предсказуемо вполне.
Не все выходят из атак
на победительной волне.

«Возможно, жив», — твердят вокруг,
на всём уныния печать.
И я молчу, как верный друг,
хотя тут впору закричать.

Гвардия седобородых

Воля прочнее стали,
смелость важнее слов.
Если бойцы устали,
войско перемолов,
нужно вставать на отдых,
далее — верь судьбе —
гвардия седобородых
вывезет на себе.

Это такие глыбы,
это такая мощь;
Богу легко могли бы
в битве Его помочь.
Город берут три роты —
чудо-богатыри.
Гвардию седобородых
чаще благодари.

Кто до сих пор не в теме,
роет окоп, скуля?
Вбейте навеки в темя —
наша кругом земля;
топи, овраги, броды —
всюду придётся лезть.
Гвардия седобородых
знает, зачем ты здесь.

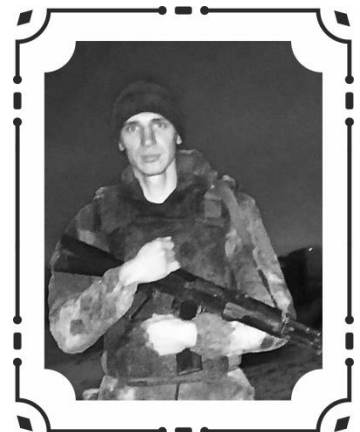
Стойкость разгонит тучи,
ярость растопит льды.
Нас не бывает круче —
тем только и горды.
Добрые сумасброды,
вспыльчивы и скромны.
Гвардия седобородых —
главный резерв страны.

Всякий боится смерти
только лишь до поры.
Резвость свою умерьте,
будет ещё прорыв.
Полные обороты
бросят нас в бой опять.
Гвардии седобородых
некуда отступать.

Сколько всего поляжет —
это другой вопрос.
Путь искривлён и тяжек,
чёрт знает, чем зарос.
Но для шальной породы
тяготы — ерунда.
Гвардию седобородых
помни такой всегда.

Олег Миронов

Олег Юрьевич Миронов родился и жил в г. Инта. За то, что сорвал концерт русофобствующего Андрея Макаревича, был осуждён. После освобождения уехал в Донецк сражаться с украинскими националистами.

Поле

Мы лежим в поле, в пахучих степных травах. По нам работает ПК. Мы знаем, что пулемётчик нас не видит толком, но от шальной пули никто не застрахован.

Зря мы решили срезать дорогу и пошли по гребню, надо было не полениться и дойти до нашей балки, идущей от посадки позади наших позиций к посадке, где мы окапываемся — спокойнее было бы.

Мы лежим в поле.

– Ну, что делать-то будем? – Фортуна.

– Ну, а х... делать? Бежим в балку, – Кит.

Кит подрывается и бежит по полю в низину, перепад плавный, и трудно сказать, когда мы выбежим из поля зрения пулеметчика. Я подрываюсь за ним, бегу метрах в двух от него. Кит на бегу поворачивается: «Не все вместе, бл..ь! Дистанция, бл..ь!».

Мы падаем на полдороги в траву и ждём, когда Фортуна и Койот добегут до нас. По очереди. Дистанцию соблюдая. На мне автомат, РПГ и подсумок под «морковки» с «порохами» – заряды для РПГ.

Мы лежим, ПК всё ещё работает. Но осталось не так уж много до безопасного места.

– Не беги рядом – дистанция семь-десять метров, – Кит ко мне, – создаёшь цель.

– Да понял, забыл просто, – оправдываюсь я.

– Ну, побежали?

Побежали. Первый Кит, второй Фортуна, я выжидаю, когда они пробегут немного, затем подрываюсь и я. За мной Койот.

– А поле вообще заминировано? – кричит Кит.

– Да х.. его знает! – Фортуна.

Мдаааа... Труба моего РПГ бьёт при беге, очень больно закусывая кожу подмышкой между РПГ и разгрузкой, но сейчас не до этого... Правая нога, левая, правая, левая, дыхание сбивается, но бежать всё равно надо, это не тренировочная пробежка, здесь пенделя за промашку никто не даст. Здесь укроп пристрелит просто, и всё. Лишь бы ВОГаи класть не начали. Для хорошего стрелка с подствола видеть цель – лишнее, накинёт навесом и всё, поминай, как звали.

Правая нога, левая, правая, левая. Вроде бы не заминировано, но кто же скажет наверняка? Может, везло всё это время, пока бежали, а сейчас раз! И как в анекдоте: одна нога здесь, другая там – такое бывает. Смогу я прожить без правой ноги? Ну, думаю, смогу. А без левой? Да и без левой смогу. Но лучше бы с обеими остаться. Правая нога, левая, правая, левая.

Добежали. Залегли в траву, ПК успокоился. Вроде бы ему нас отсюда видно быть не должно. Немного отдышались. Смотрю подмышку: маленькая ранка кровоточит и говорит о том, что как-то не так я ухватился за РПГ. Да хрен с ней. Ладно.

Мы, поначалу пригибаясь, потом уже ровнее, но, всё же соблюдая дистанцию, выходим к нашей посадке. Она тянется слева направо, там дальше наши ребята ждут питьевую воду, плов, приготовленный Доком, и РПГ с зарядами – по вечерам по их балке, впереди нашей посадки, начала ездить бэха, БМП в смысле. Не дай Бог к нам выскочит, а у нас ничего не будет, чтобы по ней отработать.

Вообще, в военной среде есть своя терминология: отработать по бэхе, подбить её, положить укропов. На самом деле, за этими, казалось бы безобидными словами, скрывается очень простое явление – убийство. С кишками наружу, палёным мясом и вывалившимися вперемешку с соплями хрящами носа. Ну, тут уж если не хочешь лежатьдохлым с высунутым языком и ползающей по нему мясной мухой, то сделай так, чтобы в таком виде лежал враг.

Есть в этом некое лицемерие: называть убийство работой. Но иначе нервы могут сдать раньше, чем ты выполнишь боевую задачу. А от этого зависит твоя жизнь, жизнь твоих товарищей, твоё самоуважение и вплоть до будущего России – у какого какие мотивы. Но, тем не менее, убийство есть убийство. Как минимум это надо понимать.

На смерть Александра Захарченко

Мой автомат с надписью «ШУТ» на прикладе стоит рядом и молчит. Хоть он и снят с предохранителя. Молчит, зараза, словно знает что-то... Я к банке с кофе приложусь на рассвете, чтоб не уснуть; рассвет – время для ДРГ. Страшные, лютые убийцы в ночи. Их тренировали, их учили, как подкрасться ко мне, убить меня аккуратно, бесшумно, так, чтобы я не успел поднять кипиш на нашей позиции, где спят беспокойным сном пацаны. Спят, и ждут, когда же, когда начнётся... Потому что их автоматы тоже устали молчать в предрассветной мгле.

Врага научили, как меня украсть так, чтобы я не пикнул даже. Украсть, чтобы у себя в логове сломать мою волю и показать меня, сломленного, по всем соцсетям: смотрите, смотрите, какие слабаки эти ваши нацболы!

Но меня любит, любит одна большеглазая девчонка, а это значит, что со мной ничего не случится, и ни один профессиональный убийца ко мне не подкрадётся. Ведь если у них всё же получится, то, Боже, зачем, зачем это всё надо?! Цветы, деревья, чёрная земля под ногами, синее небо наверху, и зачем, зачем в нас течёт наша красная кровь по яремным венам?

Наш Батя знал что-то такое... Что-то такое, отчего его глаза были ясны.

Но и к нему подкрались. Эх, Батя-атаман! Что же, тебя не любила чернобровая красотка-казачка? Или ты сам её обидел, что она не нашептала тебе оберег?

А меня любят, любят! А поэтому, Батя, подожди меня там, в Вальхалле ещё чуть-чуть. Я не усну на посту. И автомат мой молчит обманчиво: мы с ним вдвоём ждём. Ждём, когда архангел Михаил наконец-то взмахнёт своим огненным мечом, давая сигнал к атаке.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Мария Стрельцова-Логинова

Мария Васильевна Логинова (Стрельцова) родилась 7 сентября 1957 г. и живёт в г. Никольске Пензенской области. Окончила Пензенский инженерно-строительный институт. Работала инженером-проектировщиком.

Первая печатная публикация состоялась в сборнике никольских поэтов «Обережные рифмы». Печаталась в сборниках «Лента памяти» и «По тропинкам детства». Победитель поэтического конкурса стихов для детей «И спросила кроха». Участница литературного клуба «Я сень».

Самый-самый

Эта история произошла в маленьком городе в начале марта, когда на улицах ещё лежат сугробы, по ночам хозяйничает крепкий мороз, но днём уже по-весеннему тепло и солнечно.

Как-то поздно вечером поспорили четыре снеговика, кто из них самый-самый. Снеговик, нарисованный на плакате, громко крикнул:

– Я здесь самый красивый! Посмотрите, какой у меня правильный морковный нос!

Маленький снеговичок, стоящий у скамейки на детской площадке, весело засмеялся:

– Подумаешь, оранжевый нос! Мои комочки самые круглые и самые гладенькие, как конфета чупа-чупс! Меня слепила Алёна-сластёна!

– Ну, вы даёте, братцы! Самый лучший здесь – я! – возразил товарищам снеговик в красном шарфе с зелёным ведром на макушке. Он выглядывал из-за чугунной ограды большого дома:

– Меня зовут Гордеем! Я самый высокий снеговик в нашем городе!

– Зато я самый лёгкий, – продолжил разговор резиновый снеговик у магазина, – меня надули насосом. Я нарядный, румяный и умею махать рукавицей!

Так и проспорили снеговики всю ночь. А днём тёплое солнышко пригрело белые сугробы, зазвенела весёлая капель, зачирикали озорные воробьи.

Первым заплакал самый высокий снеговик. Он прислонился к ограде и его ведро, опрокинувшись, зацепилось за чугунный завиток. На зелёное дно, в надежде отыскать хлебную крошку, спрыгнул голодный воробей. Звонкий клюв птахи так озадачил Гордея, что он окончательно сник и превратился в бесформенный сугроб с красным шарфом наверху.

Алёнкин снеговик, видя эту жалкую картину, от испуга весь покрылся мелкими трещинками. Гладкая корочка его туловища стала отваливаться, и к вечеру от снеговика остался малюсенький комочек, который сиротливо забелел на жёлтом песке детской площадки.

Под яркими лучами мартовского солнца оранжевый нос снеговика с плаката совсем побледнел и осунулся. Да ещё и налетевшие воробьи так исклевали бедолагу, что вместо морковки на плакате появилась огромная дырка с рваными краями.

Не повезло и самому лёгкому снеговичку. Ты думаешь, что его унёс весенний ветер? Ничего подобного! Из него спустил воздух и убрал резиновую оболочку в кладовку дворник магазина.

– Зима прошла! Пора менять вывеску! – сказал он мальчишке, который в ожидании открытия магазина крутился у входа.

Через неделю вместо румяного снеговика на его месте красовался огромный резиновый воробей. Он весело махал прохожим сизым надутым крылом, возвещая приход долгожданной весны.

Надежда Винокурова

Надежда Николаевна Винокурова родилась 19 июня 1954 г. в с. Кера (пос. Подгорное) Нижнеломовского района Пензенской области.

Автор одиннадцати книжек для детей.

Член Интернационального Союза писателей и Союза курских литераторов. Участница литературного клуба «Я сень». Живёт в Курске.

Чудеса творятся утром

Чудеса творятся утром:
Солнце смотрит из-за туч.
Всё блестит, как в перламутре,
Светит с неба яркий луч.

Умываются деревья
Ранней утренней росой.
Просыпается деревня.
Пробегусь по ней босой.

Радуга — дуга

После дождика за речкой
Появилась вдруг дуга —
Обняло полу-колечко
В ярких красках берега!

Семь волшебных ярких красок
Пьют водичку из реки.
Подойти к ней не опасно,
Да успеть бы подойти!

Жук

По цветочкам жучок летал.
Жу-жу-жу он напевал.
Вдруг цветочек наклонился.
Жук на землю повалился.

Прожужжал жучок: «Жу-жжу.
Под цветком я посижу.
Пусть на нём сидит пчела,
Она целебный мёд дала.

Ну а я — большущий жук,
Тихо в травке пожужжу
И на солнце погляжу,
Ту пчелу посторожу.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Карина Краснослободцева

9 лет, МОУ СОШ с. Пушанино Белинского района.

Солнце, радуга и дождик

Жила-была волшебница по имени Солнце, а по соседству жили друзья-шалуны – мальчик Дождик и девочка Радуга. Днём Солнце светило и обогревало землю, а вечером ложилось спать, укутавшись в разноцветное одеяло, и поэтому закат казался то алым, то пурпурным, то золотым.

Однажды Дождик и Радуга залезли в дом Солнца и нарезали из одеяла волшебницы цветных лоскутков. Дождик взял много синих лент, а радуга вплела в волосы семь разноцветных бантов. Пока Дождик бежал домой, он растерял свои ленты, и они превратились в лужи.

Утром Солнце увидело, что одеяло разрезано, а шалунья Радуга скачет по лужам. Волшебница бросилась собирать свои лоскутки, а Радуга спряталась. С тех пор после дождя всегда появляется радуга, но как только прогреет солнце, она исчезает.

Георгий Миргородский

10 лет, МБОУ СОШ № 2 г. Нижний Ломов.

Дождь

Бегал дождик по дорожке –
Намочил дождейки-ножки.
Мы ему подарим зонтик
И красивые сапожки!

Утята

Мама-утка на прогулку
Вывела гулять утят,
А утята озорные
Слушать маму не хотят.
Разбежались кто куда –
Вот такая чехарда!

Злата Рогулёва

г. Заречный, 11 лет.

Между летом и осенью

Полюбить осень можно за многое: за жёлто-красные листочки, что шуршат под ногами, за свежую прохладу по утрам, лёгкий туман. Возвращаясь с улицы домой, укрываешься тёплым пледом, попивая горячий кофе вместе с тыквенным пирогом. Гладишь пушистую кошку, что лежит на мягкой кровати.

И вдруг начинается дождик, который из маленьких капелек превращается во властный и большой ливень. А после дождя можно спокойно пойти погулять по золотому лесу, собирая рыжие лисички, липкие маслята и вкусные боровики.

А как хорошо играть в лесу со своей собакой: искать колючих ёжиков, подбирать каждую красивую веточку, вместе бегать по влажной траве и весело прыгать по неглубоким лужицам дождевой воды.

Но всё-таки очень грустно, что лето кончается. Хочется ещё поплескаться в тёплой воде, поиграть вместе с друзьями в жаркую погоду, собрать букет простых ромашек, позагорать под солнышком. Не хочется снова заботиться об уроках, думать, какую куртку надо надеть. Вот бы вновь вернуть эти свободные, беззаботные дни!

Тихон Бодряшов

г. Пенза. Православная гимназия. 7 класс.

* * *

Давно идёт незримая война,
Былых солдат осталось очень мало.
Земля хранит святые имена,
А я хочу, чтоб меньше их не стало.

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Наша боль. Наша память

4 мая в арт-пространстве «Чёрный рояль» состоялся премьерный показ литературного мини-спектакля «Наша боль. Наша память». Посвящён он Дню Победы и воинам, защищающим нашу родину от нацизма сегодня.

Основой спектакля стали стихотворения авторов литературного журнала «Четверговая соль» и поэтов Якова Танина (г. Пенза), Евгения Харитонов (г. Белгород), Светланы Попеевой (г. Заречный), Вячеслава Филонова (г. Заречный), Ольги Слеповой (г. Заречный), Нины Новиковой (г. Заречный), Михаила Кириллова (г. Заречный), Бориса Иванова (г. Заречный), Валерия Сухова (г. Пенза), Людмилы Захаровой (г. Никольск), Натальи Филимоновой (г. Санкт-Петербург), Маргариты Курочкиной (г. Заречный), Лидии Терёхиной (г. Пенза), Антона Хрулёва (Херсонская область), Томы Городновой (с. Бессоновка Пензенской области), Сергея Малафеева (г. Джанкой, республика Крым), Сергея Жидкова (г. Пенза), Татьяны Сычёвой (г. Пенза), Татьяны Кадниковой (Авдеевой) (г. Заречный). Александр Зверовщиков (г. Пенза) исполнил песню «Встань, солдат» на стихи Геннадия Касмынина (село Казачка Саратовской области).

Сценическую часть готовила Наталья Каресли. Артистами и чтецами выступили участники литературного клуба «Я сень» (руководитель Лидия

Терёхина) Олег Карев, Тамара Городнова, Алексей Смирнов, Лариса Москвитина, Нина Шеменкова, Елена Козина, Виктор Глазунов.

Арт-пространство «Чёрный рояль» (руководитель Анастасия Суднева), открывшееся всего лишь три месяца назад, успело стать популярным у жителей Пензы, востребованным художниками, музыкантами, поэтами. На ул. Маркина, 6 мы получили площадку для реализации своих идей и творческих экспериментов.

ВСПОМНИМ

День международной солидарности трудящихся – 1 мая.

День памяти Виктора Александровича Сидоренко – 2 мая.

День памяти Тихона Захаровича Сёмушкина – 6 мая.

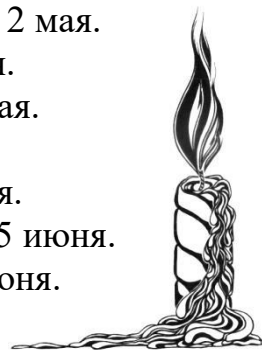
День Победы в Великой Отечественной войне – 9 мая.

День пионерии – 19 мая.

День памяти Николая Платоновича Огарёва – 31 мая.

День памяти Александры Петровны Анисимовой – 5 июня.

День памяти Ивана Ивановича Лажечникова – 26 июня.

Фонари на мольбертах

Составлять красивые, самобытные постановки в традициях старой русской жизни – особый дар Бориса Дмитриевича Борисова, опытного педагога, душевного, искреннего, эмоционального, отзывчивого и доброго человека. Этот дар ценят и коллеги, и ученики: хорошая постановка настраивает на хорошую работу.

Урок длится долгих четыре часа. Преподаватель, разъяснив задание, надолго уходит из мастерской, предоставляя ребятам возможность работать самостоятельно. Когда же он в классе – неслышно в мягких войлочных ботинках переходит от мольберта к мольберту, тихо кому-то подсказывает, подправляет. Почти никогда никого не хвалит, на вопрос об этом цитирует Репина, который утверждал, что успех художника на девяносто девять процентов обеспечивается его трудом и лишь на один процент – талантом. Поэтому уж если хвалить, то за особое трудолюбие, – считает Борисов.

Сам Борис Дмитриевич во всём может служить примером для своих учеников: в активности своей жизненной позиции, в доброжелательности и безотказности, в настойчивости и умении заинтересовать, в высоком профессионализме и верности своему делу.

На путь художника он встал совсем юным. Был моложе большинства нынешних своих студентов, когда в художественной школе Мстеры на открывшейся в Вязниковском районе Владимирской области фабрике занялся лаковой миниатюрой. Получалось неплохо, работал с интересом, но всегда было желание писать широкой кистью.

В годы армейской службы, которую проходил на флоте на Кольском полуострове, подружился с Игорем Сидельниковым. В короткие часы отдыха писали с ним морские пейзажи, вели беседы о живописи. Он-то и посоветовал Борису ехать после армии в Пензу. С тех пор училище им. Савицкого – его дом, его семья в прямом и переносном смысле.

После окончания художественного училища больше десяти лет работал Борис Дмитриевич в педагогическом училище на художественно-графическом отделении, а с 1977 года ведёт «рисунок», «живопись» и «композицию» под «родной крышей». И неудивительно, что, исполняя невольно роль экскурсовода, рассказывая о программе училища, о своих коллегах, учениках, он говорит с гордостью, звучащей сквозь природную скромность.

А. Краснова,
«Доброе утро», 22-24 января 1993 г. //

Признание в любви / сост. Л. Горюнова. – Пенза, 1998 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Лилию Васильевну Выборову (Белову) – 2 мая
Лидию Ивановну Терёхину (Дорошину) – 23 мая
Татьяну Ивановну Власову (Швареву) – 26 мая
Веру Александровну Варламову – 6 июня
Ольгу Васильевну Корчагину – 11 июня
Татьяну Михайловну Сычёву – 13 июня
Вячеслава Геннадьевича Грачёва – 24 июня

